



Дар Бєрєгини

Жива Божєславна
2021 г.

Жива Божеславна Дар Берегини

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69220267

SelfPub; 2023

Аннотация

Это первое произведение Живы Божеславны в стиле славянского фэнтези. Герои книги – отважные витязи народа россов, отправившиеся нести послание Берегини в новые земли. На пути их ждут приключения – встречи с могучими колдунами и прекрасными волшебницами, сражения с оборотнями, испытания в княжестве бога Ящера, грозной Бабы Яги и великана Велигора, битвы за честь и правду и, конечно, любовь.

Содержание

1. ЗВЕНЯЩАЯ ТЕТИВА	4
2. ДАР БЕРЕГИНИ	16
3. СТАРЫЙ И НОВЫЙ ГОРОД.	28
4. ОСТРОВ ЯЩЕРА	57
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Жива Божеславна Дар Берегини

1. ЗВЕНЯЩАЯ ТЕТИВА

Тресветлое Солнце взошло над миром. Ярким розовым золотом оно залило долину. Природа величественно пробуждалась ото сна. Облака, пылко разукрашенные зарей, словно причудливые узоры застыли на небосводе. Река неторопливо встречала восход, отражая его в своих влажных голубых глазах. Как драгоценная капля небесной росы, река лежала в древней кряжистой ладони земли, щедро одаривая ее влагой и укутывая густыми покровами туманов. Травы и полевые цветы, еще влажные от утренней росы, медленно поднимались навстречу могучему солнцу. Жизнь возле реки не кипела, а текла, чистой прозрачной водой.

Только один человек в этом неторопливом потоке, стремительно вырывался из тихого пейзажа. Дикой песней несся он по прибрежным просторам на своем коне. Всадник и конь слились в этом быстром беге. Светлые волосы всадника и рыжая конская грива развевались на ветру. Казалось, конь не скачет, а летит над землей, яркий как, солнечный луч, напряженный, как натянутая тетива. Всадник должен

был успеть, а конь – его друг – должен был ему помочь добраться до места вовремя. Потому они и казались одним целым. Солнце двигалось по небу, а всадник на своем гнедом скакал по земле. Когда могучее светило уже стояло в зените, всадник, наконец-то добрался. Это было поселение. Всадник заехал на широкий двор, огороженный деревянным частоколом, и остановился, с надеждой вглядываясь в лицо немолодой женщины в повойнике, вышедшей ему навстречу. Глаза ее были влажными от слез. Спешившись, мужчина направился в дом:

– Здравствуй отче, – сказал он, склоняясь перед седоволосым старцем в длинном белом одеянии.

Седобородый старик, белый как лунь, сидел на лавке с закрытыми глазами, прислонившись спиной к стене. Мужчина стоял перед ним, напряженно вглядываясь в изборожденное морщинами лицо. Старец медленно открыл глаза, и ответил, с трудом выговаривая каждое слово:

– Рад видеть тебя, сын. Хорошо, что мы с тобой, все-таки свиделись... Не простил бы себе, если бы тебя перед смертью не повидал. Брат твой, Славен, тоже тебя ждет не дождется. Все знать хотят, отогнали полянички волколаков от земли своей или нет.

– Отец, вести есть, но видят боги, ни о ком кроме тебя думать не мог, пока ехал. Кресеня своего чуть не загнал. Но, слава Роду, вовремя успел.

– Что ж, Всеслав, сын мой, зови брата, надобно нам в поле

выйти.

Старик медленно поднялся и пошел вместе с сыновьями через двор к полю. Шли они очень долго. Каждый шаг давался отцу с большим трудом. В дороге молчали и не оглядывались. Старик вел сыновей, опираясь на деревянный посох, осторожно ступая по влажной темной земле, поросшей зеленой муравой. Наконец, он остановился возле большого поля, на котором буyno колосилась пшеница.

– Дети мои – Славен и Всеслав, вы – самое дорогое для меня, произнес отец.. В вас моя жизнь останется и тогда, когда тела моего уже не будет. Взгляните, как светлы ваши головы. Цветом они, как спелый урожай, что каждую осень созревает на этом поле.

– Возьми, Всеслав. И ты, Славен, возьми, – сказал старик, протягивая сыновьям по колоску.

Мужчины недоуменно переглядываясь, взяли то, что протягивал отец.

– А теперь сломайте их.

Всеслав и Славен поступили так, как велел отец, все еще не понимая смысла происходящего. Однако они знали, что отец никогда не говорил им ничего пустого. Жилистыми крепкими руками братьев колоски в один миг были разорваны. Отец, тем временем велел каждому нарвать целый ворох пшеницы

– А теперь, Славен, попробуй разовать свои колосья, об-

ратился он к одному из братьев.

Как ни пытался мужчина это сделать ничего не вышло. Колосья не поддавались. Оказалось, что ворох зеленой еще пшеницы не поддался ни одному, ни второму брату.

– Так вот, сыны мои, уразумейте, мудрость рода нашего. Поле – это наша земля, наша опора. Здесь и пепел предков наших хранится, которые помогают нам из Ирия. Будьте вместе, и сила с вами пребудет, никто с вами не справится, никто вас не одолеет. А один колосок – не только рука витязя, его и дитё неразумное легко ломает. Не страшны вам волколаки, коли объединитесь. Помогите братьям нашим поляничам, наступит время, и они вам помогут. На одном языке говорим с ними, а сколько у нас жен из их народа. У тебя, к примеру, Словен, Любава – из поляничей. И у тебя Всеслав, Светлана, тоже – из поляничей. И у воеводы нашего.

Дайте мне, сыновья, клятву, что не покинете друг друга ни в радости, ни в беде. Чтобы мог я уйти к предкам со спокойным сердцем. Ко мне нынче во сне отец мой приходил и дед, звали к себе, стало быть, скоро тризной будете меня поминать. И еще скажу напоследок, реку нашу берегите и почитайте, от дедов знаю, что богами она отмечена, и судьба наша, судьба береговых людей с ней тесно переплетена. Русалка этой реки – великая Берегиня, которая спустилась на землю из Сварги, из Сада Ирийского. А теперь, дети мои ступайте, обратно и просите, волхва Божеслава, прийти за

мной на закате.

Отец крепко обнял сыновей на прощание, и присел на пень на краю поля, опираясь на старый деревянный посох и провожая взглядом, их уходящие фигуры.

Всеслав и Словен уходили, не оглядываясь, также медленно, как и пришли. Обоих душила печаль, хотелось вернуть-ся, обнять старика и, прижавшись к его высохшей от времени груди, плакать, но отец сам принял решение о том, чтобы оставить последний вздох на священном поле. И волю его нарушать было нельзя.

Придя в Городище, братья направились к жилищу волхва.
– Здравия тебе, мудрейший, – первым заговорил Всеслав, переступая порог дома. Отец наш ушел в поле, там, на священной земле...

Мужчина не успел договорить.

– Знаю, – прервал его волхв, – Знаю, что сказать хочешь, Всеслав. Что отец ваш зовет меня туда, чтобы я ему глаза закрыл. Так тому и быть.

Братья переглянулись.

– Ну, тогда, нам нечего больше добавять, – сказал Славен и из его груди вырвался тяжкий вздох. Помоги, ему, мудрейший, коли сможешь.

– На закате приезжайте в поле, – велел волхв братьям.

Кий Божеслав был волхвом береговых людей уже двадцать лет и хорошо знал того, кто позвал его туда, где сейчас

колосилась пшеница. Волхву незачем было особенно собираться. Он проводил братьев и, через некоторое время, взяв с собой только деревянный посох, да холщевый мешочек отправился на поле. Солнце клонилось к закату.

Волхв неторопливыми шагами подошел к старику. Тот сидел на пне, с опущенной головой, оперевшись на посох.

– Родослав, – произнес волхв, дотронувшись до руки старика.

Тот, молча, открыл глаза.

– Родослав, – снова заговорил волхв. Ты звал меня и вот я пришел. Что скажешь? Ответь мне.

– Да, – я звал, – полупшепотом сказал старик. Со стороны могло бы показаться, что старик ничего не видит, потому что глаза его были устремлены в одну точку. На самом же деле глаза его видели, они просто смотрели на то, что было не доступно обычным людям.

Волхв, держась за руку Родослава, закрыл глаза, и, словно прислушиваясь, снова задал свой вопрос.

Наконец, немного оживившись, старик ответил, с трудом подбирая слова:

– Я знаю, что следующей весной с нашим народом случится чудо. Мне сказали.... Придет из реки...Перемены... Надо подождать.

– Что за чудо? Кто придет к нам? – настороженно спросил волхв. В этот миг заходящее светило уже наполовину скрылось за горизонтом.

– Берегиня.... – тихо ответил старик, отчего-то улыбаясь. Больше волхв не смог услышать его ответа, потому что эти слова слетели с губ Родослава вместе с последним вздохом.

Тем временем в Городище все только и говорили, что об очередном нападении степняков – волколаков на соседей берегового народа- поляничей. Среди народа повисло напряжение. Когда на площади собрались воины, Всеслав, ездивший к поляничам послом от береговых людей, еще раз поведал собранию о том, что поляничихи решили биться с волколаками, народом, пришедшим из южных степей. Взгляд Всеслава был обращен к собравшимся. Однако то и дело серые глаза витязя останавливались на лице брата. Славен сидел несколько в стороне от всех, рядом с воеводой Путяттой, в окружении дружинников. Как и все вокруг он внимательно вслушивался в речь Всеслава.

– Князь волколаков Полок на этот раз собрал еще большее войско. Прошлым летом во время набега кроме волколаков у него никого не было. А на этот раз, говорят, к Полоку и другие степняки присоединились. Другого выхода у поляничей нет, потому, как сдавать свое поселение степнякам без боя они не хотят и не могут. Несколько дней назад степняки старшего сына их правителя убили. Поляничихи его гонцом отправили, так он обратно и не вернулся. А тут на беду и сам правитель помер – горячка напустилась внезапно, да и забрала. Теперь у поляничей из правителей остались –

малый Велеслав – сын покойного да воевода. Велеслав – ни одной битвы не видел, в его-то возрасте еще многому учиться надо. Потому- то и просят они нас береговых о помощи, вождя нашего Славена с войском на подмогу зовут. Коли откажем, – сами будут биться до последнего. Решили полянич, умереть, с оружием в руках, защищая свою землю, – произнес Всеслав. А ты, что скажешь Славен? – наконец, обратился воин к брату, который за доблесть и силу, был избран вождем береговых людей.

– Велеслав – совсем мальчик, так что битву воеводе вести придется – неторопливо начал Славен. – Однако, братья, коли, они степняков на этот раз не прогонят, отбив желание земли прибрежные захватывать, и нам – от волколаков житья не будет. Наши земли сразу за землями поляничей лежат. А ведь они, как и мы Правь славят, мы все одних богов почитаем. На одном языке говорим. Ждать нам нечего. Коли не поторопимся, помочь им сейчас, завтра себе помочь не сможем. Вот мое слово.

В воздухе повисло молчание, после которого стали раздаваться голоса в поддержку мнения Славена. Почти единогласно решено было отправиться на подмогу братскому народу поляничей.

И уже всего через несколько дней воины обоих народов объединились под предводительством Славена. Битва становилась все ближе. Дозорные сообщили Славену о приближающемся из степи вражеском войске. К полудню, черным об-

лаком, стелящимся по земле, показалась быстрая конница степняков. Сотни огненных стрел волколаков, обрушились на защитников, попадая в массивный частокол, ограждавший городище, и деревянные постройки. За стенами вспыхнули огненные петухи пожарища. Первыми навстречу войску Полока вышли пешие воины поляничей, прикрываясь щитами и выставив вперед копья, они ждали, когда степняки подойдут ближе. Конница же витязей Славена заняли позицию на обоих флангах позади пеших воинов. На первом этапе сражения, волколаки смяли первые ряды поляничей, медленно тесня остальных защитников городища к крепостным стенам. Славен решил бросить в бой конную дружину, яростно атаковавшую степняков с правого и левого флангов. Вождь защитников городища, наблюдая за ходом боя, понял, что исход будет не ясен еще долго. Несмотря на многочисленные потери, степняки и не думали отступать. Всеслав, также наблюдавший за сражением, произнес, словно подтверждая мысли самого Славена:

– Брат, много наших людей поляжет, прежде чем мы что-то изменим.

– Пока Полок жив, степняки не рассеются. Змее надо голову рубить дабы она погибла, а не хвост. Кабы только до него добраться, мы бы их восвояси отправили, – проговорил Славен.

– Коли только это нам нужно, ждать нечего. Брат, – береги жену и моих детей – крикнул Всеслав, устремляясь вперед.

Славен, уже не успев ничего ему ответить, остановить витезя было невозможно. Он словно растворился. Однако спустя время, вождь увидел, как брат, прорубая себе дорогу мечом, в сопровождении своих верных витязей прорезает ряды волколаков. Всеслав несся прямо по направлению к Полоку. Славен, будто во сне, смотрел, как падают с коней поверженные телохранители вождя степняков. И вот плотное кольцо воинов вокруг него разомкнулось под натиском мечей Всеслава и его дружины. Всеслав вступил в схватку с Полоком один на один. Напор витезя заставил дрогнуть руку могучего степняка, потому что фигура Полока неестественно наклонилась, он падал под сокрушительными ударами меча Всеслава.. Разящий меч сверкал на солнце в руках храброго витезя, но всего лишь миг изменил все, вдруг рука его словно застыла в воздухе. Меч выпал. Всеслав обернулся, потому что, волколакская стрела попала ему прямо в грудь. Береговые люди понесли утрату в лице могучего Всеслава, и не только он, много славных героев остались на поле битвы. Однако теперь, когда предводитель волколаков, был убит, исход боя был предрешен. И полянич, и береговые люди поняли, что теперь перевес на их стороне. Славен повел витязей в яростную атаку. Лишенные предводителя степняки в панике метались из стороны в сторону. И береговые люди увидели, что легкая конница волколаков, была непобедима только на просторах степи. Войско Славена образовав, вокруг нападающих плотное кольцо, устроило им кровавую сечу. И когда

Тресветлое Солнце близилось к закату, волколаки были уже разгромлены. Береговые люди и поляничы одержали победу. Немногим нападавшим удалось уйти обратно в степь. Поле перед городищем было усеяно павшими воинами. Победа далась нелегко. Для самих поляничей это сражение окончилось не только потерей мужей и отцов, но и крупным пожаром, что наполовину разрушил Городище. Им предстояло восстанавливать свое поселение, а береговые люди отправились назад в свой городище – Родень. Наступило время тризн по погибшим бойцам.

Возле погребального костра Всеслава – крады, стоял его единственный сын – Вольга. Длинные льняные волосы юноши, перевязанные на лбу тесьмой, развевались на ветру, голубые глаза были печальны. Каждая битва сулила воину смерть, и с детства каждый из береговых людей знал, что смерть на поле брани – лучшая доля для воина. Погибнуть героем лучше, чем умереть больным на лавке. Всеслав же показал себя не просто героем в этой битве. Отец Вольги своим подвигом предрешил победу войску союзников. Но... тем не менее, по щеке юноши время от времени скатывалась горячая слеза. Отирая лицо кулаком он, не мигая, глядел на тело погибшего героя. Вольга знал, что нужно радоваться, чтобы душа отца благополучно добралась до светлого Ирия. Но Желя и Карна – птицы-богини скорби, не дали радости приблизиться к нему. Рядом по отцу причитала его мать Светла-

на. Распустив волосы, стоя на коленях перед телом погибшего мужа она горько рыдала, вспоминая их счастливую жизнь вместе. Три младшие дочери Всеслава, окружив мать, стояли тут же с заплаканными глазами, все еще не в силах поверить в смерть отца. Перед тем, как Вольга зажег погребальный костер, вождь береговых людей – Славен, обратился к душе горячо любимого брата.

– Брат мой, Всеслав, – сказал он, не скрывая глубокой скорби, – ныне душа твоя отправилась в Сад Ирийский, на великое Древо Жизни богини Живы, и там тебе должно быть очень хорошо. Веды говорят, даже намного лучше, чем нам оставшимся здесь. Но я тоскую и горюю по тебе. Ты уж прости меня за это! Снова и снова встают передо мною годы нашего детства и юности. Ты бился не щадя жизни, пока стрела врага не пронзила твою грудь. Ты сам, брат мой, был как стрела, а жизнь твоя, будто звенящая тетива. Враг всего лишь выпустил душу из твоего тела. Черная стрела степняка, попала в твое сердце. Но сам ты – светлый витязь, великий герой попал в мир Света, в Ирий. В твою честь, дорогой Всеслав, сегодня воины будут состязаться, и пусть победа лучшего будет нашим посланием тебе из мира Яви.

2. ДАР БЕРЕГИНИ

Это произошло в незапамятные времена в самом начале весны, когда жаворонки уже пели песни, призывая прекрасную Лелю Весну-Красну из-за высоких Репейских гор и, могучий Перун, потрясая мечом–молнией, побуждал весенние облака проливаться благодатным дождем на Мать Землю. Весенняя игра Перуна и облачных красавиц отзывалась на земле грозами. Еще спящая природа должна была пробудиться от этих громких звуков. Прекрасные облачные девы, шутя, убегали от небесного витязя, но потом под его страстным натиском проливались на землю живою влагой дождей. Спускаясь на землю, облачные девы – вечные спутницы небесных игр могучего Перуна становились русалками – хранительницами благодатной влаги и рос. Там, где они опускались на землю, появлялась новая река. Вместе с Весной в те незапамятные времена спустилась на землю и прекрасная русалка по имени Рось. Росы, которыми щедро укрывала русалка землю, несли жизнь и плодородие миру проявленному . А русалка – стала берегиней избранной реки и земли.

Береговые люди величали свое Городище Роденем в честь великого Рода – Прародителя жизни. Они не помнили того, пришли их предки издалека, или жили здесь всегда. Время стерло эти предания. Однако никто из береговых не знал имени реки. Точнее у нее было множество разных названий, но все они были лишь отголосками ее настоящего имени. Народ величал ее то Прозрачною, то Струящейся, то Бегущей, но все эти названия были лишь эхом настоящего имени реки – ее священного имени, которого не помнил никто. А каждый из береговых людей знал, что у всего на свете есть имя. Потому что имя определяет путь в жизни и саму жизнь. Ведь в имени сокрыта великая сила и суть жизни существа – будь то человек, животное, дерево или река. Ну, к примеру: медведя лесного хозяина, в которого сам Велес Бог обращается, тоже все медведем величали, но все от мала до велика знали, что «мед ведающий» всего лишь название его, а настоящее тайное имя хозяина леса известно было лишь волхвам, что самого Велеса почитали.

В тот год, как и прежде, привел серый жаворонок на землю Лелю Весну. Снова весенние грозы донесли до людей игры Перуна и облачных дев, окрыляя сердца и наполняя их светлыми надеждами. Благодатные дожди пролились на Мать-Землю, напав ее живою водой. Весна принесла радость береговому народу. Она же принесла и великое знамение.

Ранним утром, на заре волхв Божеслав увидел вещий сон. Первым пришел к нему во сне старый Родослав, он, как и в тот день, перед смертью улыбался, а потом, указывая на реку, сказал: Я же говорил тебе: грядут перемены и Она придет. Вот и случилось чудо для всех нас! Великая благодать снизошла.

После этих слов фигура старца исчезла, а с неба обрушился сильный ливень, и река, вышла из берегов. Волхву показалось, что ее воды снесут городище. От этого ему стало страшно, и взмолился он богам о помощи. Но внезапно из самой реки раздался нежный женский голос. Он велел Божеславу, как только пропоют петухи, собрать народ на берегу.

– Не страшись волхв, я принесу вам то, чего раньше у вас не было, – сказал таинственный голос.

Сон был отчетливым и ярким, какой бывает обычно явь. Волхв понял, что сон нес знак о будущем. Он стал творить молитвы, дожидаясь петушиного крика, чтобы поведать волю богов народу. И вот, едва, раздался первый крик священной птицы Перуна, Божеслав трижды протрубил в рог, созывая собратьев.

Тресветлое Солнце вставало из-за горизонта, обливая все вокруг розовым и золотым. Заря–заряница открывала миру свое прекрасное чело, возвещая о начале нового дня, освещая лица пришедших. На широком берегу, перед жилищем волхва собрался почти весь народ, желая узнать, для чего волхв созвал их сюда. Кое-кто не понимая причины столь

раннего сбора, ворчал, выказывая свое недовольство. Люди не понимали, чего они ждут и потому не скрывали этого. Волхв же надеялся, что та, которая велела ему собрать всех, ответит народу. Однако время шло, а ничего не происходило. Атмосфера накалялась. То тут, то там стали раздаваться смущенные голоса.

– Мудрейший, отчего в такую рань? – кричали горожане.

– Волхв Божеслав, ты бы нам хоть поведал, чего ждем-то? – вторили им другие.

– Вот так вот спозаранку на площади стоять – ни уму, ни сердцу..., – не унимались третьи.

– Коли так просто стоим, и ничего..., так мы лучше пойдем, чего тут топтаться, дома-то делов по горло....

Ропот недовольства слился в единый гул. Это было похоже, на растревоженный улей. Волхв понимая, что недовольство не поможет народу достойно встретить таинственный голос, решил усмирить собравшихся.

– Тихо, собратья, – громко произнес он. Та, кто велела мне созвать вас, ничего помимо этого мне не открыла. Но за этим великая тайна сокрыта. Голос же ее доносился из священной реки. Мне было знамение в СНОВИДЕНИИ. Голос Девы из реки вещал мне. Мы должны дождаться ее, должны услышать ее Благовую весть, что она скажет. И поверьте мне, если мыждемся ее.... Волхв не успел закончить говорить, как из толпы раздался голос воеводы Путаты:

– Мудрейший, – неужто и ты сам не ведаешь, кого мы

ждем. А вдруг это с нами шутку навьи сыграли. А вдруг то, что появится, всех нас заберет. Не каждый готов вот так сразу отправиться.

– Это ты Путята, по недомыслию говоришь, – ответил волхв, укоризненно глядя на воеводу. Мы, и деды наши, и деды наших дедов живем здесь, так и не узнав тайну реки, не услышав ее имени. Так и не ведая, кто она – эта Река, а ведь она каждый миг нашей жизни освящает. Ее водами поливаем мы наши поля, от ее росных туманов рождается на нашей земле плодородие. Но никто из нас, береговых людей до сих пор не знает ее имени. Почему? Может ты, Путята, ответишь? А ведь, воевода, ты не ответишь.

– А я почем знаю, мудрейший? Мое дело защищать народ наш, воинов в бой вести.

– То-то и оно, Путята, что защищать береговой народ от врагов надобно. А та, кто нас сегодня на площади созвала, никак нам не враг. Мы даже зовемся – береговыми людьми, то есть живущими на ее берегах. А имени ее до сих пор не знаем. Без нее мы здесь и не поселились бы. Ее щедростью мы живы и здоровы.

– А отчего же, волхв Божеслав, та, кто велела нас сюда созвать, имени своего не назвала? – спросил воин по имени Ратибор.

– А отчего, Ратибор, до сих пор ее имени никто из нас, береговых людей не ведает. Отчего ее только Рекой называют? Отчего?!

– Этого никто не знает, – ответил воин.

– И отцы наши и деды, того не ведают, – донеслось откуда-то с конца площади.

– Да и прадедам нашим река имени своего не открывала, – сказал дружинник князя – молодой воин по имени Яромир.

– Так ведь бывает, собратья, что есть вопросы, на которые ответ дать невозможно. Все, что можно – это ждать, – продолжил волхв. Никто не ведает, покуда яблоко зреет, хорошо ли оно будет на вкус. Пока яблоко зелено, можно ли увидеть в нем спелый плод. Никто не сорвет такое, никто его не надкусит прежде времени. А коли надкусит, так и испортит. Тот же, кто дождется урожая, тот только и узнает, сладок ли плод.

Собратья, все, о чем я прошу, это подождать. Не печальтесь о своих домашних делах, забудьте на время обо всем, поверьте, то, что может произойти сегодня, важнее прочих дел.

Гул заметно стих, но отдельные голоса все еще продолжали раздаваться в толпе.

Волхв Божеслав, взяв в руку посох, трижды постучал им по земле и голоса смолкли.

Волхв медленно повернулся и, оставив толпу позади, пошел к реке. Зайдя в реку, он поклонился ее водам и прочитал молитву. После чего из реки раздался женский голос, отчетливо слышимый на берегу.

–Ныне я открою то, что предначертано вам богами Прави.

Расскажу, береговым людям о Судьбе вашей грядущей.

То ли от этих слов, исходящих от вод, то ли от поднимающегося Солнца, но всем на берегу стало видно, как река засияла дивным золотистым светом и забурилась. Вскоре, медленно поднимаясь из-под воды, появилась светящаяся женская фигура. Будто солнце, скользящее по воде, она, как посуху, вышла на берег. И тогда взору горожан предстала светящаяся девушка необыкновенной красоты, с длинными светлыми волосами, доходящими до самой земли. Девушка прикоснулась одной рукой к берегу и земля под ней в тот же миг начала расти, становясь холмом. Эта девушка была бы во всем похожа на береговых людей или поляничей, если бы не дивный свет, исходящий от ее лица и сарафан, который будто из самой воды был соткан, да только не растекался. Так чудесная незнакомка и появилась в Городище в ту весну, выйдя прямо из реки на глазах у всего народа.

– Слушайте, меня, люди. Имя мое – Рось Русалка. Когда-то очень давно, я спустилась из Светлого Ирия, Сварги на эту землю. Жизнь на этих берегах была от меня. Я хранительница и Берегиня, а вы – народ мой, который я здесь поселила. Потому вы и называли себя береговыми людьми. Но с самого начала имя мое было скрыто от вас. Ныне же судьба ваша поменяется, я открыла вам имя мое. И потому как я – Рось Русалка, вы, как дети мои – будете зваться росами, теми, кто несет живую росу откровения Прави. Помнить вы должны завет мой священный, и свято беречь и хранить

имя свое. Покуда, вы будете имя хранить, то будет с вами мое Благославление, а с ним – добро и сила. И то будет вам под силу, что раньше невозможно было. Далеко ваша слава по земле пойдет, и будут россы процветать многие лета.

Сказав это удивленным жителям Роденя, Рось передала волхву Божеславу святыню – священную чару с чудодейственной живой водой, и, войдя в реку, снова исчезла. А река снова стала прежней, не сияющей, не бурлящей, а мирно текущей.

Народ на площади поначалу стоял, как вкопанный, не в силах поверить тому чуду, что предстало его глазам. Но через некоторое время удивление прошло, сменившись бурным весельем. Так отрадно стало всем, так хорошо, как, никогда ранее, еще не бывало. Пляски и песни наполнили поселение, радовались все и стар и млад. Гусли и трещотки играли аж до следующего утра, а на холме, куда поднималась Рось, установили новое капище, в котором разместили святыню – чару с живой водой Берегини. Но на этом удивительные происшествия не закончились.

На следующий день к поселению россов неожиданно подъехали всадники от их давних соседей поляничей. Двое из них были молодыми витязями, третий же – старец преклонных лет с длинной бородой. У старца на поясе были подвешены ключи – особые знаки волхва. Поздоровавшись с горожанами, они прямоком направились к жилищу волхва Божеслава. Встав у его порога, старший из гостей достал дере-

вянный посох и легонько ударил им оземь. Стук был почти неслышен, но хозяин тут же вышел на крыльцо встречать гостя. Он обнял пришедшего старца и пригласил его войти в дом.

– Рад видеть тебя, волхв Дажень, – сказал Божеслав, обращаясь к гостю. Не часто ты наведываешься к нам. Видимо, чудеса в нашем стане привели тебя. Прав ли я?

– Ты прав, Божеслав, – ответил волхв поляничей, присаживаясь на лавку. Накануне было мне велено, придти к вашему народу. Так как боги Прави сказали, что на вас снизошел свет откровения и вы, стали хранителями святыни.

– Да, волхв Дажень, – проговорил Божеслав, пододвигая гостю чару с водой. Священная река открыла нам свое Имя. Все стали свидетелями этого чуда. И старики, и дети, видели, как русалка Рось одарила наш народ. И теперь мы – зовемся россами, хранителями ее святыни.

– Что ж, волхв Божеслав, – сказал Дажень, отхлебнув воды из глиняной чары. Чудо великое случилось с вашим народом, но ведомо мне, что чудо это и нам предназначено. И завет Роси для всех кто богов Прави славит. Сегодня я пришел сюда один, а завтра мы придем сюда с народом нашим, с поляничями поклониться Святыне. Поведай о том Славену и народу своему.

Божеслав понял, что предсказание русалки Роси начало исполняться. И повел волхва поляничей к Священному холму. Подойдя к его подножию, Дажень упал без сознания на

землю. Глаза его закатились, однако руки крепко держали посох. Божеслав понял, что ничего плохого с волхвом не случилось, просто Берегиня каждому по-разному являет свой дар. Очнувшись, старец поднялся и, поклонившись на все четыре стороны, промолвил:

– Священно место, отмеченное богами. Отныне я сделаю все, чтобы наши народы стали едины.

Проводив гостей, Божеслав направился в терем к правителю россов Славену – рассказать о приходе поляничей. Славен сидел возле огня. Русые волосы были перехвачены на лбу узорчатой тесьмой. Белая рубаха расшитая искусными руками жены князя – молодой Любавой была подпоясана красным кушаком. Ворот рубахи украшали обереги, на рукавах красными нитями Любава вышила знаки Громовника Перуна и тресветлого Солнца. На стенах были развешены мечи выкованные местными умельцами.

Лицо князя было задумчиво. Он все еще не мог забыть недавнюю смерть отца и брата. То, что теперь береговые люди стали росами, было подлинным чудом, отвлекающим его от горестных мыслей, но никак не изгнавших тоску из сердца правителя Роденя. Вот уж несколько дней как Славен, мысленно обращаясь к отцу и брату, вел с ними беседу. Ему не хватало ушедших близких, и он разговаривал с ними, оставшись наедине, рассказывая о том, что нового произошло в Городище, с тех пор как их не стало. Славен знал, что родные души, покинув тела, никуда не уходят от тех, кто любит их.

Некоторые избранные души – навсегда остаются в светлом Ирийском саду и сверху помогают родным на земле. Остальные снова и снова воплощаются среди своего народа, мать Жива возвращает их в родные места, в свой род, к своему народу. Это только души тех, кого не любили и не захоронили по обряду, витают неприкаянно, оставляя на земле следы в виде перевернутых птичьих лап. Славен вспоминал тризну по отцу и брату и был уверен, что его родных, ожидает самая лучшая Доля.

Когда волхв постучал в дверь, правитель был глубоко погружен в мысли об ушедшей родне. Прочитав это по глазам, Божеслав сказал, перебивая его печальные думы:

– Славен, твой отец и брат ныне пребывают там, где нет горя. Там, в светлом Ирийском саду их души ждут часа своего воплощения. Отчего ты постоянно тревожишь их, призывая своей печалью? Ныне пришло время великих свершений, ты – правитель Роденя и на тебя обращены все взоры. Твоя кручина не поможет решить, как нам принять поляничей, которые, не сегодня-завтра всем народом придут поклониться святыне Роси.

– Радость принес ты народу нашему, мудрейший. И сейчас ты речами своими хочешь сердце мое облегчить. Благодарю тебя за это. А сегодня полянички для чего к нам приезжали? – спросил Славен, устремляя взгляд на волхва.

Волхв оставил вопрос Славена без ответа, и в воздухе повисла тишина. Божеслав подошел к правителю и, зажав его

левую руку в своих ладонях, некоторое время пристально смотрел ему в глаза. После чего, вздохнув с облегчением, сказал, отпуская руку воина:

– Ну, вот и все. Теперь печаль не будет виться над тобою, как ворон над павшим воином. Теперь ты воспрянешь духом, доблестный витязь.

– И вправду полегчало, – ответил Славен, расправляя плечи.

– Князь, Берегиня чистую правду поведала о судьбах наших, – продолжил волхв. Вот и начались перемены. Волхв поляничей Даженъ почтил Святыню Роси и ему было дано Ее откровение. Теперь поляничей хочет он в наш стан привести на поклонение, чтобы народ наш единым стал. Говорил волхв, что скоро приведет он за собой много людей. Стало быть, надо думать, как и где мы их разместим. Ведь Городище расширять придется. Новые стены строить, новые дома мастерить. Всего и не перечесать, с чем управиться будет надобно.

– Да, мудрейший, вот так по воле Прави и свершаются Судьбы людские. Сможем ли мы достойно принять поляничей, если они все к нам нагрянут. Нужно загодя об этом подумать и приготовиться к приходу гостей.

Славен тот час же велел мастерам для поляничей временные жилища ставить, а Божеслав вернулся к себе.

3. СТАРЫЙ И НОВЫЙ ГОРОД.

Красавица Любава – молодая жена Славена сама была из поляничей и не могла нарадоваться тому, что скоро к ним придут ее родные. Молодая женщина готовилась стать матерью, отчего черты ее лица от природы мягкие стали еще более округлыми. Правитель Роденя женился на ней несколько лет назад после смерти своей первой жены. И это была целиком заслуга Любавы в том, что ей удалось своей заботой и любовью прогнать мрачные мысли из головы Славена. Но не успело развеяться одно горе, как другая печаль пришла на порог – смерть свекра и деверя.

Сколько яств готовила молодая жена, сколько рубаш и рушников вышила ясноокая Любава для своего мужа. И помнила она наказ матушки своей: чем больше любви и заботы ты дашь своему супругу, тем более милостлива к твоему союзу будет Богиня–Мать Лада. На алтарь Лады нет лучшего приношения, чем любовь к своей семье – жене, мужу, детям. А коли этой любви не хватает, то надобно у самой Богини Матушки Лады ее просить и дано будет.

Алый сарафан Любавы был расшит оберегами Лады и Макоши. Драгоценные кольца, самоцветные бусы и жемчужные серьги украшали молодую жену правителя; на колечках цветочки узорчатые, серьги с горлицами золотыми, ягодки на-

ливные на бусах. На украшения для молодой жены Славен не скупился, ведь сказано мудрыми, что жена украшенная оберегами приносит в дом процветание и радость. А если женщина в доме одета бедно и уныло, то такая же Доля серая да унылая выпадет этому дому. Каждое колечко, каждую бусинку подбирали мужья женам не случайно, ведь узоры да украшения – это дар матушки Лады, которая в дом лад приносит. Чтобы все в доме было ладно, нужно благославение богини Лады.

Любава сидела у окна и вышивала для своего будущего ребенка рубашечку, когда на пороге появилась девушка, помогающая ей по хозяйству, и сказала, что к княгине пришла баба Радуница с гостинцем, да слуги ее не пускают. В тот же миг молодая женщина поднялась и торопливо направилась к дверям.

– Проходи, бабушка – спустившись в сени, чтобы лично встретить гостью, ласково позвала Любава старуху.

Радуница недовольно сверкнула глазами на слуг и быстрыми шагами прошла вслед за Любавой, которая повела знахарку в свою светлицу и усадила на широкую сосновую скамью. Из резного окошка на морщинистое лицо старухи падал солнечный свет, подчеркивая каждую черточку ее похожего на печеное яблоко лицо. Волосы знахарки были скрыты под черным платком. И только серые глаза на ее высохшем от времени лице выглядели живыми и яркими. Глаза точно жили своей собственной жизнью и искрились особым светом.

Старуха взяла Любаву за руку и, посмотрев ей в лицо, сказала серьезным голосом:

– Любавушка, дорогая моя, я тебя сызмальства знаю. Ты мне как родная внученька, дорогая, а потому и сказать тебе обо всем заблаговременно должна. Большие перемены грянут. Ты помнишь, как помогла я тебе князя от дум его тягостных отвлечь, как сердце его к тебе обратила, да только непросто все. Заглянула я в кощуны, а они мне показали, что долгое расставание вам предстоит. Должен Славен отправиться в поход, туда, где не был народ наш еще никогда. И много испытаний предстоит мужу твоему на его пути. Большая слава супруга твоего ожидает, но и большие трудности. Ты же, голубка моя, ту дорогу дальнюю с ним разделить не сможешь.

Едва дослушала Любава последнее слово, как глаза ее покраснели, и она зарыдала, закрыв лицо руками и запричитав:

– Горе, горе мне. Видимо, нет на мне благословения Лады матушки. Почему Берегиня меня оставила? Как же я буду без мужа любимого? А вдруг ребеночек наш отца родного не увидит?... Что же мне горемычной делать? Как же мне несчастливой Долю свою вернуть?

– Не плачь, – стала успокаивать ее старуха. Дело серьезное, но я тебе помогу, если ты сделаешь все, в точности, как я скажу. Наших сил на то, чтобы остановить Славена не хватит, но на всякую силу найдется та, что больше. Я тебе кощуны принесла, кои мне от прабабки достались. Если ты их

у изголовья кровати положишь, то сможешь уберечь мужа от дальнего пути. Одни – оставь у изголовья. Другие зашей в его рубаху, чтобы любимый твой с тобой оставался, куда будут кошуны лежать у его кровати. Только запомни Любавушка, что должны они оставаться там, где я сказала и, чтоб ни одна душа живая о том не слышала.

– Ой, бабушка, – запричитала Любава в ответ, – я ночами спать не буду, лишь бы сокола своего ясного не потерять.

Она сняла с руки золотой браслет со знаками тресветлого солнца и подала старухе.

– Бабушка Радунца, родненькая, вот возьми, прошу тебя, этот подарок. Хоть и не в силах я отплатить тебе за твою заботу, но если ты примешь его, то хоть как-то сердце мое успокоишь. Ведь то, что ты делаешь для меня, дорогого стоит.

– Любавушка, мне старухе, золотые украшения уже ни к чему, я их богам поднесу, чтобы послали нам в нашем деле удачу, – ответила старуха, пряча браслет в холщовую сумку.

Полянички пришли во главе со своим старым волхвом Даженем и молоденьким правителем Велеславом. Мужчины и женщины, воины и матери хотели прикоснуться к Святыне, дарованной россам. Было их более сотни, и вся площадь скоро заполнилась людьми. Стало ясно, что места в поселении мало. Гости разместились в приготовленных для них временных жилищах. Те же, у кого среди россов были родствен-

ники, как княгиня Любава или вдова Всеслава – Светлана, отправились к своим. Величественно шагали пришедшие к холму, сотворенному русалкой Берегиней.

Остановившись у подножия холма, полянички кланялись и возносили молитвы богам Прави. Не прошло и получаса, как гостей охватило странное волнение. Кто-то стал громче творить молитвы, кто-то отдавал земные поклоны, кто-то начал танцевать, а некоторые – просто теряли сознание и неподвижно лежали на земле. Велеслав неожиданно побежал к реке, и нырнул в нее, совершенно пропав из вида. Выйдя, наконец, из воды, он ни слова не говоря, направился к правителю Роденя.

Славен встретил юношу, приветливо усадив рядом. Лучшие явства предложили знатному гостю, но есть Велеславу явно не хотелось. Юный Велеслав был ровесником младшего сына Славена – Ярополка. Однако взгляд у мальчика был не по годам серьезный.

– Славен Родославич, благодаря тебе, брату твоему и нашим воинам, волколаки, не смогли захватить наше Городище. Рискую своими жизнями, теряя родных, вы – россы спасли нас. Знай, правитель, – сказал юный полянич. – Ныне я заново родился, войдя в воды священной реки. Мать Берегиня даровала мне тайное имя, и теперь я и народ мой готовы объединиться с вами, потому как отныне едины мы в духе, и силы Прави зовут нас исполнить волю богов на земле. Прими меня, как принимаешь своих сыновей. Батюшка мой

уже отравился к прадедам. Обещаю, как сын твой, я буду почитать тебя и защищать.

– Ты говоришь не по летам мудро, – ответил мальчику правитель Роденя. Но прежде, чем я смогу принять нового сына, а с ним и целый народ, мне самому надобно получить на то благословение русалки Берегини.

Утром следующего дня правитель Роденя был окроплен живой водой из святыни, дарованной Берегиней, и получил свое новое имя – Росислав – славящий Рось. На плечи правителя волхвы Божеслав и Дажень надели расшитое оберегами корзно – алую княжескую мантию. И был он, двумя объединившимися народами, избран князем. Так, полянич и береговые люди, бок о бок бившиеся против волколаков, стали единым народом – россами.

Волхв Божеслав, Росислав и молодой Велеслав отправились в капище, где перед образами богов Прави был проведен обряд усыновления.

Когда же два народа объединились, то стало ясно, что Родень слишком мал, для такого количества людей. Тогда новый князь принял решение расширить Родень, чтобы всем хватило в нем места. Началось строительство нового града, которое продолжалось более года. Поздней осенью, когда леса уже сбросили прекрасные багряные и золотые уборы, но Зима Марена еще не всю землю застелила толстым снежным покрывалом, Любава родила князю чудесного мальчика. Так Росислав правитель Роденя стал отцом уже в третий раз в

своей жизни. Это был год важных событий в жизни князя и его народа: год, когда старый город стал новым, это был год великих перемен. Когда же вокруг нового града поднялись крепостные стены, Берегиня снова напомнила о себе. Князю Росиславу был послан вещий сон, в котором русалка Рось велела ему отправиться вверх по реке, и всем кто встретится на их пути передать ее Завет.

Князь рассказал о своем чудесном сне волхву Божеславу. Но, оказалось, что тот уже знал ее волю. Берегиня и волхву поведала о своем желании. Вместе они принесли жертвы богам Прави, прося о благополучии в этом походе.

И с того дня россы стали готовиться в дальний поход.

Княгиня Любава, боясь за своего благоверного, тем временем, в точности выполнила указание бабушки Радуницы и спрятала священные кощуны у изголовья кровати супруга. А сама тем временем приговаривала с печалью:

– Отчего ты мой, сокол ясный, улететь от меня хочешь в земли далекие. Как же ты меня покинуть собираешься, не дождавшись рождения нашего чада? Неужто, не мила я тебе совсем, князь мой?

И так часто она стала мужу своему это говорить, что князь должен был ответ держать.

– Любава, жена моя дорогая, почему ты речи такие заводишь, – отвечал ей князь. Будто ты на погибель меня верную отправляешь, и встретить больше не надеешься. Мы же не

навек уходим. Сама Берегени реки будет нас хранить. Ты верить в меня должна, как супруга верная. А если я буду дома отсиживаться, то меня и другие уважать перестанут, и сам себе противен стану. Что же за князь такой, коли о народе своем не радеет? Мать Берегиня многие блага нам обещала и славу большую народу нашему. Или ты сама не видала, как поляничы всем народом пришли и вместе с нами россами стали. Отныне Судьба нам лучшую Долю посулила: многие земли открыть нам вверено.

– Так-то оно так, муж мой ненаглядный. Да только это все-му народу нашему обещано. А про твою жизнь драгоценную для меня, Рось ничего не поведала. Мне ж без тебя никакой радости нет и счастья, да и жизни не будет. А народ, коли тебя не станет, и другого князя выберет.

– Ты, жена, зря разговоры такие заводишь, нахмурившись, ответил князь. Ты должна не удерживать меня, а поддерживать. А перечить мне начнешь – не будет в семье нашей ладу. Ты, Любава, мыслями себя бесполезными и тревожными изводишь. Лучше о ребенке нашем думай. – Так о нем я и думаю, Росиславушка. Каково ему будет, коли ты домой не вернешься. Как он расти-то будет, батюшки милого не видя. Отца-то родного ведь никто не заменит.

– Любава, у каждого своя Доля отмерена. И мы на земле должны принять свою Судьбу без колебания. Моя судьба – отправиться в поход и я отправлюсь независимо от того, чем дело обернется. Однако ничего плохого мне там не гро-

зит, сердцем знаю. Ты же своими мыслями гнетущими только камни под копыта моего коня бросаешь. Уймись, жена. На том разговор и закончился.

Любава все чаще стала проводить время на берегу, прося Берегиню Рось мужа ее уберечь.

Князь же все чаще стал замечать, что некая сила мешает ему покинуть родные края. А поскольку именно он должен был вести воинов в поход на новые земли, ему становилось все хуже. Словно тяжкий груз на сердце повис и не отпускал его. Только речь о походе зайдет, как что-то останавливает его тут же. Вечером пришел князь к волхву Божеславу и поведал ему о своей кручине:

— Что-то, мудрейший, случилось со мною. Отчего-то душа моя больше к походу не лежит. Я раньше на жену мою Любаву шумел, что она мысли тяжелые лелеет, дома меня оставить хочет. А сейчас и сам не рад стал. И все уже решено давно, а будто что-то меня останавливает. Как встану утром, так, будто голос меня какой-то зовет, останавливает. Так бы и отменил все. Будто кто от меня специально дорогу отшептать хочет. Помоги, волхв, дай совет, что за силы со мною играют.

Волхв подошел к князю поближе и, пристально глядя ему в глаза, достал кошун. Князь хотел было что-то спросить, но Божеслав рукой показал, что нужно молчать. Прикрыв глаза, жрец начал что-то шептать, пристально глядя на рисунок

кошуна. И в тот же миг Росиславу показалось, что вокруг его тела рассыпались синие искры. Он удивленно раскрыл глаза. А Божеслав, продолжил читать заговор. Князь почувствовал, как все его тело окутало небывалое тепло. Как будто поток теплого воздуха мягко охватил его с головы до пят. Божеслав же, не отвлекаясь, продолжал. Когда последние слова слетели с уст волхва, князю показалось, что прямо с его рубахи поднялась невиданная птица и вылетела в окно.

– Ну что, видел, чем тебя удержать хотели? – усмехнувшись, спросил Божеслав.

– Как же птица эта у меня оказалась? Где же она сидела? – растерялся князь.

– Да не птица то вовсе, это кошун у тебя в рубахе зашит был. Его твоей жене чаровница принесла. Он тебя и не пустил. И в кровати твоей тоже лежит.

– Неужто, Любава, моя?!

– Да она сама не додумалась бы. Это ей кто-то постарше подсказал, кто в таких делах толк знает. Но ты на жену свою не сердись, она не со зла, не хотела чтобы ты ее с дитем покинул, от Судьбы-пряхи тебя уберечь хотела. Бабка чаровница дала ей для этого кошуны, которые для этого дела силу имеют. Покуда они рядом с твоим телом лежали, ты бы не смог дом свой оставить. Вот, Судьба владычица тебя ко мне и привела. Я один мог тайну эту выведать и освободить тебя от силы кошунов. Вернешься к себе, дай Любаве вот этот знак, ей и полегчает.

Оказавшись дома, князь решил не устраивать Любаве допроса, однако о том, что ему стало известно, все-таки упомянул, передавая оберег волхва.

– Ты, Любава зря решила меня от Судьбы моей уберечь. Потому как, что нашему народу предсказано богами, то и должно произойти. Ты же, супруга моя ненаглядная, будто не жена князя, а простая челядинка мыслишь. Посуди сама, князь – он отец своему народу, его хранитель и радетель. Коли я о животе своем буду больше думать, чем о благе народа нашего, как боги на то посмотрят. Чему сыновей своих учить стану, если только о себе печься начну. Ты же, Любавушка, жена моя, княгиня, детей моих должна уму-разуму учить и мужа во всех его начинаниях поддерживать.

– Говоришь ты, муж мой, ладно, да только сердце мое не на месте. Как же я, сокол мой ясный, без тебя с ребеночком одна здесь обойдусь? Как я без тебя, ненаглядный мой, буду дневать – ночевать в пустом доме? Отколе мне ведомо, чем поход завершится? Сколько дней мне тосковать – горевать без тебя, муж мой любимый? Кто ответит мне как мне прожить без тебя все это время, ненаглядный мой?

– На, вот, голубушка моя, кощун от волхва Божеслава, он тебя успокоит. А то, что тебе бабка-чаровница дала, ты верни ей обратно.

Поняла Любава, что Судьбы-пряха – Владычица судеб славянских все уже решила и велит князю в поход в дальние земли отправляться. Делать нечего, никак судьбинушку не

поменять! Прижала она к сердцу дар волхва Божеслава и отпустила печаль-тоску от сердца своего. Глядит, а та черной птицей из окна и вылетела.

Стала Любава мужа в поход собирать. Рубаху оберегами вышивает, и песню напевает. Слова сами собой льются да все про то, чтобы и ветер милого ее ладу хранил, и реченька быстрая берегла, чтобы Солнце Красное силы света в помощь ее мужу посылало. Так, княгиня Любава голосом своим нежным и ручками искусными добром мужа своего славного окружала, оберегами защищала.

Весна нарядила природу в зеленые одежды, украсила и кочки, и дорожки, и кустики, и большие деревья-старожилы. Родовались росы светлым весенним дням и верили, что хорошая погода обещает удачу в предстоящем походе.

Племянник князя Росислава – Вольга Всеславич тоже готовился к походу. Юноша собирал одежду, оружие, затачивал меч, собирал провизию. Мать и сестры после смерти главы семейства всеми силами стремились удержать Вольгу дома.

– Сынок, – говорила Светлана, коли князь уедет, сын его, Руен, уедет, и ты покинешь нас, кто в Родене останется. Велеслав мал еще, какой из него правитель? Любава – она женщина скромная, нрава спокойного. Кто же править будет? Может ты бы и остался? Я бы сама с Росиславом поговорила, убедила бы его.

– Матушка, – отвечал ей сын, – как я могу остаться править, коли я не князев сын, и не как еще себя в бою не проявил. Подумай сама, дядя Руена своего не оставил. Велеслав Поляничский, тот по рождению – княжич. А мой отец воин, героем был, но наказа мне княжить не оставлял.

– Сыночек, милый мой, так яблочки от яблони не далеко падают. Ты племянник родной князю, не чужой. Росислав знает, что кроме тебя у меня никого нету. У него три сына и Любава молода еще, много сыновей ему родит, а у нас в семье ты один мужчина. Как же мы тут без тебя будем?

– Матушка, коли Макошь-Судьба такую нить сплела нам, можем ли мы смертные что-то изменить? Батюшка уже в светлом Ирие, в Сварге оттуда на нас смотрит и никогда не покинет свою семью. Душа его всегда помогать нам будет сверху. А ты так обо мне тревожишься, будто одна-одинешенька.

А тем временем Свава – старшая из сестер Вольги, не меньше матери переживавшая об отъезде брата, думала, как ему помочь. С самого рождения Свава была посвящена Сварожичу – богу огня. Когда она родилась, в очаге неожиданно маленький уголек вспыхнул так, словно целый костер разгорелся, и волхв поведал родителям, что девочка отмечена силой огня. Потому-то Свава обучалась тому, как видеть, слышать и понимать знаки огня. С тех пор как она узнала о походе – почти все время стала проводить в овине – месте особо угодном Сварожичу, изготавливая обереги. Вырыв круглую

ямку, Свава разожгла в ней маленький костерок, призывая бога огня:

– Батюшка, Сварожич великий, – шептала девочка, – всеми огнями ты огонь, всеми князьями ты князь, всеми правителями правитель. Будь кроток, будь милостлив, молю тебя. Как ты жарок и пылок, как ты жгешь и палишь в чистом поле травы и муравы, чащи и труппы, у сырого дуба подземельные коренья... Тако я молюся и корюся тебе – ка батюшка, Сварожич великий, жги и спали с брата моего Вольги свет Всеславича всяки скорби и болезни, страхи и переполюхи. Пусть в дороге его вороги обходят стороной, а кто со злом подойдет, так ты его отожги от брата моего. Храни его, батюшка Сварожич...

Когда Свава произнесла последнее слово молитвы, прямо из костерка на землю выскочил уголек. Ярко вспыхнув, уголек тот час же погас. Свава подняла остывший уголек и начертила на круглой деревянной дощечке священный знак огня. Она пробила в дощечке дырочку и, продев сквозь нее веревку, спрятала готовый оберег в холщевый мешочек. Девочка поблагодарила священный огонь и, затушив костерок, вышла из овина. Но не успела Свава далеко отойти, как увидела бабушку Радунцу, которая шла ей навстречу:

– Здравствуй, бабушка, – поздоровалась девочка.

– Ну, здравствуй, здравствуй, Свава. Опять в овине была? – пристально всматриваясь в ее лицо, сказала старуха.

– Да, – ответила Свава.

– Никак снова Сварожича зазывала?

Свава ничего не ответила, но ее взгляд говорил, что бабка была права.

– Можешь и не отвечать, – произнесла старуха. Только запомни Свава, Сварожич он не только ласков и щедр, он ведь силен и могуч. А ты пока еще мала и неумела, коли без надобности его призывать будешь, мало ли что случиться может.

– Бабушка Радунца, я не просто так, – ответила взволнованно девочка, я Вольге помочь хочу. Он скоро в поход уходит, надолго. И мы за него переживаем – и я, и мама, и меньшие сестренки. Я только для него старалась. Ты ведь знаешь, как батюшка наш умер. Теперь Вольга у нас один остался.

Старуха оглянулась по сторонам и, никого не заметив, усеялась на большой пенё. Морщинистым пальцем подозвав Сваву, она велела девочке встать рядом. Радунца достала из холщового мешочка кошуны и принялась раскладывать их на пне.

– Ты что это делаешь, бабушка? – поинтересовалась Свава.

Старуха ничего не ответила, приложив палец к губам, велела девочке соблюдать тишину. Завершив свое действие, она сложила обереги в мешочек и сказала, обращаясь к Сваве.

– Послушай, что я тебе скажу, Всеславна. Вольга ваш, жив-здоров останется. Ничего с ним худого не сделается, потому как избран он богами Прави, Долей отмечен. Ему Ма-

кошь – Пряха особую Судьбу сплела, я такой ни у кого раньше не видала. Вы за него молитесь и требы творите, да только не ждите, что он воротится домой из похода. Отпустите его с легким сердцем, так ему лучше будет и вам. Передай матери, чтобы приняла она предсказание сие и понапрасну себя не изводила, не убивалась.

Сказала это Радунца, и ушла, не оглядываясь. А Свава поторопилась домой, передать Вольге оберег, а матери – все, что слышала от знахарки.

Вольги нигде не было. Светлана одна сидела за вышиванием. Дочка, молча, прижалась к матери.

– А где Вольга, мамулечка? – спросила девочка, заглядывая ей в глаза.

– Да с ребятами на поляну пошел – ответила женщина, откладывая рукоделие.

– Мам, – я бабушку Радунцу повстречала, – неуверенно начала Свава.

– И что? – насторожилась мать.

– Ну, она кощуны разложила на нашего Вольгу. В общем, сказала, что он не помрет в походе. Жив – здоров останется. Все с ним хорошо будет.

– А когда воротится, не сказала?

– Ты только не переживай, мамочка, бабушка сказала, что.... Свава замолчала.

– Не томи, Славущка, говори, что знахарка поведала.

– Не вернется он в Родень обратно. Что его ожидает, баб-

ка, мне не открыла. Только сказала, что он избранный, таких, как он, она еще не видела. Вроде как нашему Вольге Макошь-мать особую Судьбу сплела.

– Да что же это она, карга старая говорит-то?! Как же так?! Как же Вольга, сыночек мой, отрада моя и не вернется?! А ты почему, Свава, неразумная всякую кривду разносишь. Почему родного брата в один конец провожаешь? – распаляясь все больше и больше, сказала Светлана. Слезы рекою потекли из глаз женщины. Она их и не пыталась вытирать. Голос ее становился все громче и раздраженнее.

– Мамочка, так ведь Радуница-бабка, она пустого не болтает. Она воеводу дочку от лихорадки излечила, сына гончара от навий спасла, засуху предсказала, коров заплутавших нашла, плотника ребеночку родиться помогла, с Рады Дубыниной подруги сглаз сняла, а скольким воинам нашим раны залечила..., – пыталась оправдаться девочка.

– Она знахарка, вот и лечит! – отрезала Светлана. – Всяк в яви свое дело делает. Кто ее предсказывать-то учил? А ты уши развесила и слушаешь, – почти кричала мать. – Все, что тебе люди чужие скажут, всему веришь. Неужто, ты, дочь моя, всякому встречному поперечному готова на слово поверить. Родного брата готова навсегда спровадить, только оттого что бабка из ума выжившая нагородила.

– Матушка, – робко пыталась вставить словно Свава, – так ведь Радуница – не сумасшедшая, чтобы окоlesiцу нести.

– Так и запомни, – все не унималась Светлана, – коли еще

раз бредни такие услышу, ты мне – не дочь. Отправишься к своей Радунице – карге в лес жить.

Сказав это, Светлана выбежала в сад. Потому как сдерживать рыдания более не было сил. Слезы ручьями текли из глаз, голос дрожал. Она смотрела на зеленые листья деревьев и понимала, что их яркая весенняя зелень только подчеркивает ту зиму, которая воцарилась в ее душе. Предсказания старой Радуницы не могли быть случайностью. Это Светлана знала наверняка. Да только сердце не могло и не хотело верить в то, что единственный сынок ее, кровиночка ее навсегда уйдет в чужие края, в дальние дали.

Среди дружинников князя был славный витязь по имени Яромир, сын кузнеца Вавилы. Вместе с младшими братишками и сестренками сидел юноша на пригорке и наигрывал незатейливую мелодию на дудочке. Малыши резвились, разглядывали букашек, выползших по весне из укрытий, девочки плели веночки из полевых трав.

– Яромир, – обратилась к нему одна из девочек после того, как юноша закончил играть. Расскажи нам про нехороших, пожалуйста.

– Расскажи, – весело подхватили остальные малыши, рассяживаясь вокруг. Слушателей набралось больше десятка.

– А что вам рассказать про них? Я про таких и не знаю вообще. Откуда мне знать–то, – улыбаясь, ответил Яромир, пряча дудочку в карман.

– Нет, знаешь, – настойчиво теребя рукав юноши, – сказал светлоголовый мальчонка, брат Яромира пяти лет от роду.

– Ты лучше всех про них знаешь, – уверенно сказала рыжеволосая девочка с длинной косой, подбираясь поближе к рассказчику.

– Ну, – начал юноша, напуская на себя серьезный вид. Это вообще-то не моя история. Это я от бабки Радуницы узнал. А она все своими глазами видала, и все как было, так и рассказала, – как бы поясняя, что он тут не причем, начал юноша.

– Значит, было так! Позапрошлой зимой в самый мороз, маленький сынишка гончара Мала захворал.

– А как его звали, – заранее открывая рот от удивления, – спросил самый маленький из слушателей.

– Да что ты не знаешь что ли, не мешай, – дружно набросились на спросившего, девчонки. Горисвет его звали.

– Ну, так вот, – продолжал рассказчик, – с серьезным видом оглядывая компанию малышни. – Ну, так вот, захворал, значит, Горисвет и никто его не мог вылечить. И травами поили и в бане парили – ничего не помогло. Стал он таять на глазах. Лицо бледнеет, губы синеют, в общем, ужас, что с малышом творится. А особенно по ночам! Как проснется наутро, аж смотреть страшно. А бабка Радуница в ту пору далеко была, к одной ведунье в дальний лес ходила. Так, через неделю Малов сын и помер. Никто излечить не смог. – Сказал Яромир, понижая голос.

Ребятня сидела, затаив дыхание. Рассказчик сделал мно-

гозначительную паузу и продолжил.

– Погоревали родители, похоронили сына. Только беда одна не приходит. После похорон и другой сын захворал. И что странно, с ним один в один все то же самое твориться стало, что и с покойным Горисветом. Стал Мал думу думать, как дитя от верной гибели спасти. А тут как раз бабка Радуница воротилась. Ну, вот, позвал он бабку Радуницу, говорит, помоги, укажи, что не так. Она пришла, поглядела на дитятю, пошептала и говорит: Ты, Мал, ночью не спи, да посмотри, что по ночам в доме твоём творится. Что увидишь, мне и расскажи. Решил гончар ночь недоспать, да посмотреть, отчего сын его в таком виде просыпается. Как бабка велела, так и он сделал. Вот они с женой постелили возле лавки, где сын спал, сделали вид, что заснули, а сами не спят. Глядят, а среди ночи.... Приходят.... – тут Яромир снова сделал многозначительную паузу, и оглядел собрание.

Глаза слушателей наполнились нескрываемым волнением. Мальчишки сжали кулачки, девчонки крепко вцепились в подолы сарафанов. А самый маленький от напряжения даже икнул.

– Я могу вообще-то не рассказывать дальше, – небрежно заметил юноша.

– Нет, нет, пожалуйста, Яромир. Не томи – тут же раздалось со всех сторон.

– Ну, вот, значит, смотрят гончар с женой, а там.... Нехорошие пришли – навьи. Сами страшные, просто ужас, глаза

горят, клювы длинные, лапы когтистые курячьи. Опустились они на кровать Малова сына, сели ему на грудь и стали его жизнь высасывать.

– Это как, – замирающим голосом спросила одна из девочек.

– А вот так, – таинственно полупшепотом ответил Яромир. Открыли свои клювы и прямо изо рта малыша стали высасывать его дыхание. А он, тем временем, все бледнее и бледнее становился. Хотел гончар отогнать их, да только руки – то будто сковало – не пошевелиться. Так навьи насытились и улетели. Наутро пришла бабка Радуница. Они ей, – мол, так и так, описали все, что ночью случилось. Бабка выслушала и обереги – кошуны дала солнечные Дажьбожьи от навьев-нехороших. На следующую ночь, гончар уже подготовился к встрече. Как навьи прилетели, он встал и разогнал их, направив солнечный оберег прямо им в морды. Эх, кабы видели бы вы, как стали пищать да вопить, нехорошие, от света да жара Дажьбожьего, то диву бы дались. Как силища оберега их на кусочки – то растащила! На все стороны развеяло, разбросало нехороших. На клочки их разнесло, развеяло по закоулочкам. Так на следующую ночь уж никто из них не залетывал больше. Вот и спас гончар Мал своего другого сына от нехороших. На том и сказу конец, а кто слушал молодец, – бодрым голосом произнес Яромир, вставая с земли. А теперь по домам, уже вас заждались, небось. Бегите!!!

Дети, впечатленные рассказом, и не подумали расходиться.

ся. А Яромир, встал, отряхнув одежду, направился туда, где находились его сверстники, а точнее, молодые девицы, по случаю наступления весны, водившие хороводы.

Статный и привлекательный юноша еще не нашел себе невесты, и потому рубахи ему вышивала матушка. Однако многие девушки готовы были войти в его дом в качестве жены. Потому решил Яромир, что если суждено ему живым и здоровым вернуться домой из похода, то непременно свадьбу сыграет. Но так ему никто еще и не приглянулся. Пока смотрел он на хоровод, который водили девицы, кто-то его окликнул.

– Яромир Вавилович, – позвала юношу румяная, как наливное яблочко, Услава, дочь воеводы. Не сыграешь ли ты нам на дудочке-самогудочке? Обратилась к нему, улыбаясь, девушка.

– Отчего же не сыграть, – отозвался Яромир. – Какая твоя любимая песня Услава Путятична, ту и сыграю?

– Моя любимая песня про удалого молодца, да красну девицу, которая его любила, да не открывала чувств своих, таилась, чтобы никто ничего лишнего не сказал – не скромной не назвал. «Калинушка с малинушкой, лазорев цвет, не веселая беседа, там, где милого нет...».

– Что-то, Услава Путятична, я такую не припомню, – недоуменно ответил витязь, не понимая, о какой песне, идет речь.

Девушка не ответила, но повернувшись, веселым голосом

сообщила подругам, что Яромир будет играть.

– Что-то я так и не понял, что за песню сыграть для тебя, Услава? – снова обратился юноша к дочери воеводы.

– А эту песню, Яромир Вавилович, мне мое сердце спело. Думала, что твое сердце тоже такую знает, – ответила Услава, отводя взгляд. И тут только витязь начал понимать, что она имела ввиду.

– Так вот ты о чем... – только произнес Яромир, но тут подросли остальные девицы, радостно ожидающие песню, и прервали их разговор.

Яромир приложил дудочку к губам, и поляну наполнили звенящие переливы Веснянки. Как и раньше с детьми, снова Яромир оказался в центре внимания. На этот раз девицы окружили его.

А пока юный витязь играл на дудочке–самогудочке и, поглядывая на собравшихся, подошел к нему его давний друг – Доброслав. Когда девушки снова пошли водить хоровод под свои песни, Доброслав обратился к музыканту.

– Ну, что, сокол наш ясный, Яромир Вавилович, на девушек поглядываешь, а невесту еще не приглядел? – улыбаясь, спросил он.

– Да, девушек ладных у нас много, на какую ни посмотришь – глаз радуется, да только сердце мое молчит.

– Смотри, Яромир, сердце-то оно долго молчать может. Так ведь и бороду до пояса отрастишь, а жены не сыщешь. Сердце знаешь, брат, оно не простое, а коли к нему прино-

равливаться – век искать будешь.

– Ты, Доброслав, разве свою Раду не сердцем искал?

– А мы с Радой сразу спелись. Она пела, я услышал и подпел. Тут и всем стало ясно, что голоса наши, как один. Это потому что песня у нас одна. Тут и думать нечего было!

– А песня, Доброслав, она песня только тогда, когда из сердца рождается. Только живое сердце песню петь может.

– Экий ты Яромир, мудреный. Песню голос залиvistый поет, иногда тихий, иногда громкий. На тебя сама Улада Путятична глаз положила, неужто не мила она тебе? Всем хороша – и красавица, и умница, а шить и вышивать вовсе мастерица, каких не сыскать во всем Родене. Чего же, ты друг, ждешь?

– Нет, Доброславушка, голос песню только до уха доносит, а поет ее сердце. А про Уладу Путятичну я только сегодня понял. Ты прав, всем она хороша, да только... сердце мое не лежит к ней.

– Тебя, Яромир, не переспоришь. Только послушай доброго друга, не теряй время. Ты парень хоть куда – красив, умен, силен. Любая за тебя пойдет.

Понял Яромир, что Доброслав от него не отступится со своими речами и, чтобы сменить тему разговора приподнявшись, толкнул друга плечом, вызывая поупражняться в воинском искусстве. Доброслав, принял вызов и, стащив с себя рубаху за ворот, приготовился к кулачному бою. Русые волосы обоих были перехвачены тесьмой. Крепкие тела моло-

дых воинов, закаленные регулярными упражнениями, были обнажены до пояса. Оба они были равны и по росту, и по крепости сложения, и по возрасту. Да и дружили сызмальства. Упражняться в кулачном бою было любимым занятием всех витязей войска. Тут же рядом собрались другие воины да и просто горожане желающие понаблюдать. Кулаками Яромир работал увереннее друга, зато Доброслав был изворотлив, как куница. И хотя невооруженным глазом было видно, что силы бойцов равны, удача улыбнулась на этот раз Яромиру. Он и вышел победителем в схватке.

Когда разгоряченный Яромир пошел к реке умыться, навстречу ему вышли четверо других дружинников, радостно приветствуя победителя – племянник князя, Вольга, двое его друзей – воины Ярослав и Лихобор да сын воеводы – Крут.

– Ну, что Яромир, придешь к нам вечером, поиграешь? – задорно, спросил Ярослав. Про тебя, Вавилович, уже все девушки Роденя спрашивают, ты прямо нарасхват – всем любо твою дудочку послушать.

– Ага, где дудочка, там и музыкант, – добавил круглолицый Крут. – Яромир – музыкант, на которого всем девкам любо поглядеть, – растягивая каждое слово, проговорил сын воеводы.

– С такой-то известностью, а все без невесты, – сказал Доброслав, поравнявшись с компанией. Я ему давно говорю, ты бы получше пригляделся к девицам-то, что вокруг. А он все отмахивается.

– Ну, так придешь, к нам нынче вечером поиграть? – снова переспросил Ярослав.

– Коли ничего неожиданного не случится, то приду после заката – ответил Яромир, отходя от дружинников, и направляясь дальше к реке.

– Вот, всегда так... – ответил Доброслав, следуя за другом. Дружинники усмехались.

– Ай-да на поляну, – весело предложил Вольга. Пойдем-ка, девкам поможем хоровод водить.

– Как не помочь, – подхватили остальные, издали пытаясь разглядеть тех, кто сегодня был на поляне.

Быстрыми шагами юноши направились к месту игрищ, радостно ожидая встречи с подругами и возлюбленными. Весна была тем самым временем, когда в Родене молодые договаривались о помолвке и создавались пары, так как считалось, что пары созданные весной благословляют богини Рожаницы – Лада и ее дочь Весна Леля. А тем, кого они благословили всю жизнь лад да любовь будут.

На рассвете часть войска во главе с князем уже готова была покинуть Городище. Женщины провожали кто мужей, кто сыновей, а кто пока еще только возлюбленных. Дети постарше с гордостью и радостью бежали за отцами, облаченными в воинские доспехи. Слез не было, потому как Волхвы строго настрого запретили посылать в дорогу воинам печаль и

рыдания.

Княгиня Любава провожала мужа в дорогу, как и десятки других жен. Некоторое время она стояла, молча, прижавшись к его плечу щекой. А потом, посмотрев на него своими большими и ясными, как небо голубыми очами, сказала:

– Муж мой любимый, Мать Лада видит как дорог ты мне, жизни для тебя не пожалею. Знают боги, как нелегко мне было отпустить тебя, будто сердце свое отпустила я в дорогу эту. Но коли такова наша Судьба и воля богов наших, иди с легким сердцем и знай, что жена твоя будет ждать тебя столько, сколько нужно, чтобы дожидаться. Знай, сокол мой ясный, что я буду считать дни и ночи, которые приблизят время твоего возвращения. Каждый день буду вышивать я по оберегу, и складывать их на твою тесовую кроватушку. Чтобы путь твой был легким, чтобы земля матушка тебе помогала, чтобы Солнце Тресветлое тебе путь освещало, а месяц ясный дорогу указывал, чтобы не заболел ты в дороге, и враг никакой тебя не одолел, и зверь лютый стороной обходил. А как вернешься домой, все обереги в благодарность за твое возвращение богам в капище поднесу.

Средний сын князя, от первого брака – Ярополк подошел к отцу, и крепко обняв, прошептал:

– Батюшка дорогой, только вернись к нам, прошу тебя. Я обещаю быть достойным тебя все это время, и как подобает мужу и воину, вести себя. Буду матушку, братика меньшого и святыни наши беречь, будем тебя дожидаться. Только при-

езжай поскорее, батюшка.

Старший сын Росислава – юный княжич Руен тоже был рядом с отцом. Он был очень горд тем, что на этот раз отец берет его в поход, потому как князь не взял сына на битву с волколаками. Этот поход должен был стать первым в жизни юноши серьезным испытанием. Руен тоже обнял брата на прощание, и, испросив благославения княгини Любавы, неторопливо ожидал времени отъезда войска, находясь рядом с семьей. Через некоторое время к ним подъехал на гнедом жеребце Вольга – сын Всеслава, брата князя, погибшего в битве с волколаками.

Князь в последний раз обнял Любаву, сыновей, и, молча запрыгнув в седло, не оглядываясь, направил своего белого Гриву к городским воротам. Старший сын ехал по правую руку от отца. Слева ехал Вольга – племянник князя.

Седой гуслар с учениками исполнял былину, сказания о героях минувших дней.

Воины были сосредоточенны и серьезны. На верхней одежде каждого были оберегающие знаки, вышитые родными руками матери, сестры или жены. Рукояти мечей украшали священные громовые знаки Перуна. Каждый понимал, что поход – это испытание на силу и выдержку, это то, что закаляет настоящего воина и поддерживает в нем воинский дух. Поход же благословляемый богами – особенный. Они шли в неизведанные ранее земли, шли, чтобы принести туда откровение русалки Роси, чтобы всем народам и племенам

открыть Дар Берегини. Волхв Божеслав отправлялся в поход вместе с князем. Волхв Дажень и часть войска оставались в Родене.

4. ОСТРОВ ЯЩЕРА

Так, поутру воины выдвинулись из Городища. Вот уже позади остались родные усадьбы, скрылись за горизонтом маковки князевого терема, не стало видно холма, на котором расположилось новое капище Роси. И только река продолжала звать вперед. Шли они вперед и только вперед, чтобы светлые очи речной Берегини могли видеть сыновей своих, отправившихся выполнять ее завет.

Уже миновала вторая неделя, а знаков от Роси никаких не было. Князь каждый день вопрошал Божеслава о воле Берегини, но волхву нечего было поведать. Сам он недоумевал, отчего русалка не дает им знаков, ни весточки. Ни наяву, ни во сне ничего не было сказано о том, ради чего столько воинов во главе с князем отправилось в этот поход. Все знали, что такова воля богов, да только отсутствие откровений свыше смущало умы, и настрой у воинов стал гаснуть. Кто знает, отчего Берегиня молчит, может они сотворили что-нибудь не угодное ей. А коли так, будет ли с ними удача? Вдруг недолго они привлекают, делая то, что неуютно богам.

Через месяц пути взору россов предстало поселение, расположенное в низине возле реки. Это было не очень большое поселение. Люди жили в деревянных избах. У каждого был свой двор. Были у поселян и небольшие огороды, поля, где

выращивалась пшеница, лен и ячмень.

Россы решили отправить к поселянам послов, а сами разбили лагерь в ближайшем лесу. Воины Яромир и Доброслав отправились сопровождать волхва Божеслава, который отправился к поселянам послом. После долгого молчания Берегини Роси в лагере было много вопросов. И потому будущее было неизвестно. Воины не знали, как встретят их поселяне.

– А что, если они не услышат, завета Берегини, – спрашивал воевода.

– Вдруг они, увидев наше войско, решат, что мы хотим захватить поселение? Вдруг вместо мира мы встретим войну, – тревожился княжич Руен.

– А коли они других богов почитают, как мы им свет Прави донесем? – вопрошал волхва сам князь Росислав.

Но волхв был настроен решительно.

– Коли мы оставить родную землю, ради этого не побоялись, что нам тревожиться об остальном? Мы твердо знаем, кто нас в поход повел. В кого бы не верили поселяне, – правда в том, что Рось передала нам свой завет и мы – россы. Не смотря на то, что и поселяне живут у реки. Только нам Берегиня завет передала, а иначе она бы нас в поход не отправляла. Никто по своей воле родную землю не оставит.

– Князь, сыновей и жену молодую оставил? Отчего старшего Руена дома не поберег? А пока мы в походе, вместо тебя Всеслав малый в Городище остался. А ведь он тебе да-

же не кровный сын, он из поляничей. Молчишь, князь Росислав, а это потому, что дух твой Берегиня Рось пробудила. Оттого ты и имя новое принял – Росислав, вместо прежнего, которое отец с матерью тебе дали. Все переменялось, князь, все не так как прежде.

– А ты, воевода, – продолжил свою речь Божеслав, разве своих детей шестерых да жену не оставил, чтобы отправиться неизвестно куда и искать неизвестно что? И Крут твой сынок – тоже с нами. Нет, – Путята Мстиславич, ты видел своими глазами, и сердцем своим узрел, как свету подобная Рось из реки выходила, и завет свой нам передавала. Потому и вопросов у тебя не было идти в поход или не идти.

После речи волхва воины стихли. Никто больше не высказывал сомнений, по крайней мере, вслух.

Послы россов направились напрямиком на площадь поселян. На фоне невысоких изб поселян выделялось капище и расписной терем правителя. Правитель проводил время в просторном каменном тереме, который располагался на площади неподалеку от капища. Послов приняли и пригласили войти.

– Мир вам люди добрые, я волхв Божеслав, посланник богов и князя Росислава. Мы народ, что живет у реки Рось, зовемся россами и несем другим землям особую весть от благой Берегини.

Видимо, язык, на котором говорили местные, отличался от языка россов, и потому им показалось, что поселяне на-

пряженно вслушиваются в новую речь. И когда, наконец, они заговорили, то отличия стали понятны. Речь у поселенцев была растянута, а слова, будто нарочито удлинялись. Так известное всем россам сызмальства слово вода этот народ проносили словно нараспев, – во-даа.

Правитель встретил их, восседая на высоком троне. Вокруг него стояло множество слуг и челядинок в длинных платьях, поодаль расположились бородатые дружинники в длиннополых зеленых кафтанах с резными топориками, заткнутыми за пояс.

Первым заговорил сам правитель – мужчина средних лет с окладистой рыжей бородой в длинной узорчатой рубахе, расшитой оберегами Бога подземных вод Ящера. Некоторые из золотых цепей рядами украшавшие его грудь, свешивались на большой живот.

– Я – вождь народа водян. Величать меня Яшей Калиновичем. А вы гости кто будете, куда и откуда путь держите? – спросил он, важно взирая с высоты массивного кресла на послов. Убранство зала поразило россов пышностью и великолепием. Повсюду на полках были расставлены золоченные и серебряные кубки, ковши, чары и сулеи. Кресло правителя украшало множество парчевых и шелковых тканей, слоями накинута одна на другую. На одно плечо повелителя водян, не смотря на весну, небрежно была накинута беличья шуба.

– Здравия тебе, Яша Калинович и народу твоему, водянам, божьего благословения желаем, – отвечал волхв. Мы –

живем вниз по реке. Я – Волхв Божеслав из народа россов. Пришли мы к вам не от нужды, и не из любопытства. Было всему народу нашему великое откровение русалки – берегини Роси, она нам и велела идти и всем народам другим весть благую нести – завет свой. Она нам и дар свой великий дала, который ныне хранится в капище на холме. Потому-то Макошь и переплела нити наших судеб.

– Так, значит, сама Рось из реки выходила? – не скрывая недоумения, спросил Яша Калинович, теребя рыжую бороду. Несколько минут он молчал, закрыв глаза. После чего обратился к одному из рядом стоявших мужчин:

– Вот ведь, времена настали какие, Дунай-богатырь, – видно предсказание древнее сбывается, коли сама Рось на землю выходила, да людям свой завет передавала. Значит, скоро ждать нам серьезных перемен. А ты, что скажешь, Вазуза, красавица? – спросил он, обращаясь к нарядно одетой девушке в жемчужном кокошнике.

– А то скажу, Батюшка, – ответила та, – что чему быть того не миновать. Рось – она вам так весточку прислала через народ этот. Мол, готовься Яша Калинович.

– Батюшка, Яша Калинович, коли вы уйдете, так и мы с вами тот час же, – ответил красивый молодой мужчина в дорогом кафтане, склонившись перед правителем.

– Ну, не печалься, Дон – удалой, еще время у нас есть, – ответил юноше рыжебородый правитель.

– И мы с вами, и мы, – стало раздаваться со всех сторон.

Мужчины, женщины окружавшие правителя наперебой стали признаваться Яше Калиновичу в своей преданности. Все они говорили о своей готовности уйти с ним, когда время настанет. В зале стоял гул от многих голосов.

Россы никак не могли понять смысл происходящего и всего лишь молча наблюдали за этой сценой.

Внезапно Яша Калинович закричал:

– Тихо! Будет вам, дорогие мои дети. Рано еще нам об этом думать. Значит, и правитель ваш с вами? – вкрадчиво обратился Яша Калинович к волхву россов, подвигая поближе узорчатый серебряный кубок с хмельным медом.

– Да, князь наш новое имя после явления русалки – берегини принял, как и народ теперь его Росиславом величают. Он с воинами остановился в лесу.

– Закон гостеприимства велит нам вас встретить, как подобает почетных гостей. А уж потом и узнаем, подходит ли нам то, что вы несете с собой, – важно ответил правитель водян, пригубивая напиток. Усаживайтесь гости российские.

Видимо, хмельной мед Яшу Калиновича настроил на веселый лад, и от его былой настороженности не осталось и следа.

– Несите послам угощенья, – махнув широкой ладонью, – велел правитель, обращаясь к челяди.

Россы устали даже наблюдать за тем, сколько всего, торопясь и опережая друг дружку, вынесли челядинки Яши Калиновича. Гостей усадили за широченный дубовый стол, на

котором из-за множества блюд почти не оставалось свободного места. Трапеза удалась на славу. И только к ночи сытые и довольные послы возвратились в лагерь, чтобы сообщить князю о предложении правителя поселенцев.

– Не будет нам от водян никакого вреда, – сказал Боже-слав, подбрасывая поленце в ночной костер. Правитель откровение Роси принять не сможет. Но Макошь-Пряха переплела наши Судьбы не просто так. Яша Калинович не тот, каким кажется. Вроде и не человек он вовсе. Но, заглянул я в кошуны и увидел, что сила его на убыль идет. Уже этим летом у водян другой правитель будет.

Услышав новости, князь и воевода переглянулись. Наутро князь Росислав, сын его – Руен, волхв и воевода с десятком бравых витязей отправились к водянам. Остальное войско по–прежнему не покидало лесной лагерь.

Князь торжественно въехал в поселение на своем белоснежном Гриве, с пояса его свисал длинный меч, искусной работы кузнецов, украшенный громовыми оберегами. Длинные русые волосы раскинулись по плечам, узорчатая тесьма перехватывала их на лбу. Корзно – мантию князя, украшала золотая солнечная свастика-оберег. Голубые, как чистые воды Роси, глаза князя на загорелом бородатом лице, излучали силу и спокойствие. Могучая и статная фигура предводителя россов заметно произвела впечатление на народ водян. По правую руку его ехал сын – Руен. Слева на черном коне – волхв Божеслав. Сзади – воевода Путята Мстиславич с дру-

жинниками. В толпе начали перешептываться. Фигуры россов были гораздо крупнее местных. На фоне местного населения россы казались почти гигантами. Водяне же отличались мелким телосложением и все как один – и мужчины, и женщины, и дети носили длинные платья, украшенные оберегами хвостатого Ящера – покровителя подземных вод и богатств.

Князя встретил сам Яша Калинович, как и в прошлый раз, ослепляя обилием золота и драгоценностей. Только на этот раз его длинные волосы были перевиты синими лентами и усыпаны скатным жемчугом, наподобие того, каким у россов украшали себя женщины. В руках правитель держал драгоценный жезл с символом бога вод, а его длинные узловатые пальцы украшало множество перстней. Справа и слева от правителя стояли молодые женщины с распущенными длинными волосами и бледными лицами. Они все казались необыкновенно красивыми, из-за поразительной белизны лиц, и выглядели удивительно, словно две капли воды, похожими друг на друга. На лицах их, меж тем, не было улыбок. Они казались печальными, и каким-то отстраненными от общего веселья. Особенно это было заметно на фоне самого жизнерадостного правителя. Оказалось, что все эти женщины приходились Яше Калиновичу законными супругами.

– Вот князь, Росислав, знакомься – это мои жены – красавицы.

Князя поразило количество жен водянина. С длинными до пят распущенными светлыми волосами, увенчанные жемчугами, жены Яши Калиновича казались не совсем обычными женщинами.

Жены князя, изобразив подобие улыбки стали представляться:

– Меня Волгою величают, – сказала первая бархатным глубоким голосом.

– Я – Кама, – назвалась вторая, и князю показалось, что он слышит, как быстрая река несет свои воды по просторам.

– А я – Чернава, – представилась третья журчащим голоском. И дальше сплошным потоком зазвучали имена других жен – Ока, Десна, Припять, Горынь, Печора. Когда они закончили знакомство, князю Росиславу показалось что, наконец-то, в ушах стих звук бегущей воды.

Было похоже, что Яша Калинович решил предстать перед гостями в лучшем свете. Россы заметили, что правитель водян и его приближенные прямо сверкают от бесчисленного количества драгоценностей. Даже узоры на стенах терема и те сияли каким-то особенным мерцающим светом, будто и они были выписаны драгоценностями. Но великолепие терема и его обитателей было только началом. В честь гостей был устроен знатный пир, который удивил россов не меньше. Еда состояла в основном из рыбы, жареной, запеченной и вареной, приправленной всякими подливками. Какой только рыбы здесь не было и гигантские щуки и маленькие серебри-

стые сельди, и красноперые окуни. На украшенных самоцветами подносах величественно возлежали красные осетры. В огромных золотых чашах черными, розовыми и красными горками возвышалась различная икра. На серебряных блюдах лежали огромные красные раки, каких россы еще не видывали. Росичи давались диву. Откуда у водян столько добра невиданного, ведь сколько помнил себя Росислав, а таких рыббин, отродясь, в их реке не водилось.

– Кушайте, кушайте, на здоровьице, гости дорогие, – потчевали гостей Яша Калинович и его прислужники. Высокой стопкой в разных частях стола возвышались блины, оладьи и блинчики.

– Вот, отведайте: уха белая с луком, вот уха желтая с травюю заморскою, вялая, пластовая, красная уха, вот и черная ушица по -особенному приправленная, и беломорская на молоке – самый смак, а вот эта уха – княжеская, настоящее сокровище. Что за вкус?! А вот утица с зеленым вином да с кореньями, такую – только мои повара готовить умеют. Взгляните-ка, гости дорогие, какие на столе осетра вяленые, так сами в рот и просятся. А это вареная, а то жареная рыба вкуснейшая! А таких рыбных пирогов как у меня, хоть весь свет обойдите, нигде больше не отведаете. Самый смак! Квасов да медов у нас, и вовсе не перечесть, водяне мои квас хоть из лучины сварить сумеют, – с гордостью нахваливал свои угощения правитель.

Князь поразился драгоценной посуде, на которой водяне

подавали гостям еду. Чары, ковши, солонки, сулеи, кубки и кувшины были из червонного золота и серебра, всю посуду украшало множество самоцветных камней. Россам еще не приходилось видеть столь искусно сделанной и дорогой посуды.

– Яша Калинович, у тебя никак много рудников имеет-ся? – как бы, между прочим, спросил князь Росислав, угоща-ясь румяным рыбным пирогом и откровенно его нахваливая.

– Да, князь, я богат. Я очень богат, – ответил водянский правитель, расплываясь в довольной улыбке и поглаживая свой большой живот. У меня и злата, и серебра, и камней самоцветных – не счесть. Только мои рудники, они не простые, моему народу не зачем на них жизнь отдавать. Я сам добываю все, что мне надобно, и люду моему в его нуждах помогаю.

– А как же так выходит? – недоумевая, спросил росс. Никто не работает, а злато-серебро само тебе в руки течет. Ты бы и нам посоветовал, может, и мы бы разбогатели? – продолжил князь весело.

– Такая уж у меня Судьба, – уклончиво ответил Яша Калинович. Я совета вам дать не могу, потому как у вас Судьба иная. Однако щедро одарить – это легко.

Яша Калинович хлопнул в ладоши, и прямо перед изумленными гостями на большом подносе оказался золотой самородок по форме напоминающий крупную ящерицу.

– Вот так, например, – довольный своим чудом, потирая

широкие ладони, проговорил правитель водян. Улыбаясь, он протянул самородок князю. Он еще трижды повторил свое чудо, наградив самородками волхва, Руена и воеводу.

– Я дар особый имею, злато–серебро к моим рукам само льнет, как живое. Взгляни, князь, – снова произнес водянич, касаясь золотого кольца на руке Росислава. В тот же миг кольцо, словно ожив, засияло.

– А теперь кушайте, кушайте на здоровье, гости дорогие. Зачем нам тревожиться понапрасну? – весело сказал Яша Калинович и челядинки до краев наполнили кубки гостей.

Хмельные меды водяничей развеселили немногословную дружину князя. Гостям захотелось песен и плясок. Да и что было таиться, коли боги послали столь щедрый и гостеприимный народ. После трапезы Яша Калинович позвал своих музыкантов и танцовщиц. Гусяры и танцовщицы были в одинаковых белых одеяниях расшитых синими оберегами.

– Присмотрись, князь, – тихо произнес волхв, наклонившись к Росиславу, на всех платьях водянских солнце-то подземное вышито. Значит, они ночное светило почитают. В наших Ведах говорится, что ночью порой Великий Ящер проглатывает солнечный диск, и потому тьма опускается на землю, а утром Дажьбог побеждает Ящера и выпускает Солнце в мир Яви. Коли водяне ночному солнцу поклоняются, стало быть, Ящеру требы кладут и превыше богов других его почитают.

Поглядел князь на узоры, вышитые и подивился, Солн-

це-то и вправду и у Яши Калиновича и у всего его окружения только ночное. Такого россы еще не видали. Даже у черноволосых и черноглазых волколаков, что совершали набеги на прибрежные земли, россы не видали знаков ночного солнца. Видимо, и вправду необычным народом были водяне, раз не боялись знаков ночи и самого Ящера, проглатывающего Тресветлое Солнце.

Вечерело, а потому в тереме зажгли светильники и факелы. В свете огней драгоценные камни на стенах стали сверкать еще сильнее. От блистающих перстней Яши Калиновича слепило в глазах. Водянские танцовщицы, точно маленькие рыбки, вились вокруг гусяра, исполняя диковинный танец. Протяжным голосом гусяр пел хвалу богу Ящеру:

*Опускалося Солнце Красное, заходило оно за море
Ящер Батюшка, его проглатывал, в океан-море утаскивал*

Ящер батюшка, могуч богатырь всех сильнее ночную порой,

Солнце красное, золотистое схоронил он под черной водой...

Длинные рубахи развевались от быстрых движений танцовщиц, создавая иллюзию того, что девушки танцуют, не прикасаясь к полу ногами. Лица девушек были прозрачно белы, и князь невольно сравнил их с лицами девушек из Го-

родища – румяными, яркими и спелыми, как наливные яблочки. Бледные и тонкие водянки, порхающие в своих просторных одеяниях, казались князю жительницами сновидений. Князь пригубил янтарного меда и обратился к правилу

– Любезный Яша Калинович, отчего мы до сих пор не видели ваших волхвов?

– А у нас, князь Росислав, в том нет нужды. Потому как я и правитель, и волхв народа своего. И волю бога нашего хранителя я водянам передаю. Как видишь, житие наше оттого только лучше.

– И что же, любезный, сам ты и моления все совершаешь?

– А как же иначе. Сам слышу и народ свой слышать учу голоса божественные. Нынче ночью у нас будут особые бдения, и вы сами сможете наши чудеса увидеть.

Гостям предложили отдохнуть перед походом на ночные бдения. Князя и его приближенных расположили в просторных палатах и попросили не засыпать, поскольку действия должны были начаться в скором времени. Однако, как только голова князя коснулась узорчатого водянского ложа, ему показалось, что он не спал, целую вечность и глаза сами собой стали закрываться. Проснулся он от голоса, который стал звать его по имени.

– Кня-язь, князь встава-а-ай, – мелодично журча, как лесной ручеек шептал женский голос.

Над его кроватью стояла девушка с длинными светлыми

распущенными волосами. Из-под просторного одеяния выглядывали ее обнаженные руки.

– Кня-язь, тебя Яш-аа Каа-линович зо-веет. Он тебе таа-йну открыть хочет, – продолжила говорить девушка.

Князь оглянулся, пытаясь позвать воеводу и волхва, но никого из них рядом не оказалось. Он хотел было поинтересоваться у девушки, где его приближенные, но почему-то не смог этого сделать. Ему показалось, что язык его не слушается. Вот каков коварный хмель, – подумал про себя князь и заметил, что девушка улыбается, словно почувствовав его мысли. Девушка протянула ему руку, помогая подняться с ложа, и они направились туда, куда его звал правитель водян.

Дальше они пошли какими-то узкими коридорами. Шли долго, и **что** было особенно удивительно – на протяжении всей дороги им навстречу не попалось ни единой живой души. Остановились они только тогда, когда оказались перед огромными коваными воротами.

– Ну, что князь желаешь ли войти, – спросила водянка, пристально глядя князю в глаза огромными прозрачно-голубыми очами.

– Затем и шел – ответил князь, и только тут заметил, что девушка задала вопрос, ни разу не пошевелив губами. Князь невольно схватился за оберег, вышитый на рукаве и ему показалось, что рука его потеплела.

Девушка, тем временем, подошла к воротам и, еле дотрогнувшись, до огромного и с виду очень тяжелого кольца, отво-

рила их. Точнее ворота как будто только и ждали ее прикосновения. Массивные дубовые створы, словно легонькая, деревянная калиточка распахнулись перед ними. Не веря своим глазам, князь вошел, точно решив про себя, что девушка – чародейка. Войдя, они оказались в огромном каменном зале, на стенах которого повсюду горели факелы. В зале уже находилось множество людей, которые увидев князя, стали перед ним расступаться как бы пропуская вперед. Среди лиц не было ни единого знакомого. Князь удивился, что волхв и воины оставили его одного. Наконец, они подошли к каменному колодцу. И тут князь увидел, что слева от него стоит улыбающийся Яша Калинович.

– Доброй ночи, князь Росислав, рад видеть тебя в столь священный миг, – не открывая рта, сказал водянский правитель.

Князь хотел что-то ответить, но снова не смог пошевелить губами. Неожиданно со всех сторон зазвучала музыка. Казалось, что некая рука одновременно зазвонила в тысячи хрустальных бубенцов. словно от их звона вода в колодце стала подниматься все выше и выше, пока не заполнила собой все вокруг. Весь зал оказался под водой. Поначалу князя охватил ужас, ведь люди – не рыбы, но скоро страх совершенно пропал. Теплая вода приятно окутывала тело, на миг ему показалось, что он в детстве и теплые заботливые руки матери ласкают его. Как ни странно, факелы не погасли, хотя свет их сделался совершенно особенным, текучим. И тут князь

заметил перемены, что произошли с правителем водян. Яша Калинович стал расти, и чем больше он становился, тем чуднее делался его вид. Если поначалу был он человеком, то, что предстало перед глазами князя после, он не мог представить даже во сне. Это было нечто огромное похожее на гигантского головастика с кожей змеи. По бокам у чудища было два круглых сияющих как драгоценные камни радужных глаза. Они светились ярче факелов, и князь точно знал, что бог Ящер, а это был он, смотрит именно на него.

– Так вот ты какой, Ящер Великий, – непроизвольно вырвалось у князя.

– Доброй ночи тебе князь росов, давно я знал, что ты к нам пожалуешь. Вот Макошь-Судьбинушка наши нити и переплела. Но не жди, что просто так сокровища мои получишь.

– Так и не за сокровищами твоими я шел, – отозвался князь, удивляясь словам Ящера.

– А ты, человек, не про то и подумал. Мои Сокровища не только камни самоцветные, злато, жемчуга, да серебро, не только рыбой да икрой богаты мои владения. Есть в них нечто куда более важное. Вот за тем тебя Рось и послала в наши края. Да только так и запомни, что без жертвы ничего ты от меня не получишь.

Последние слова Ящера донеслись до князя уже откуда-то издалека. Неожиданно разболелась голова. И князю пришлось зажмуриться от яркого света ослепившего его.

– Княже, проснись, – проснись, почти кричал воевода,

дергая его за руку.

— Отец, проснись, — дергая князя за руку с другой стороны, звал его сын, княжич Руен.

— Что такое, почему я оказался в кровати? — удивленно спросил князь.

— Ты князь, будто дышать перестал от медового водянского напитка. Я уж места найти себе не мог, пытаюсь тебя добудиться. Никак они что-то тебе в него подмешали.

— Где волхв?

— Он в другой комнате, зовет тебя. Я вот никак разбудить тебя не мог, — ответил Руен.

— Что же сие означает? Я все время проспал здесь и никуда не спускался?

— Видят боги, князь, я уже полчаса тебя добудиться не могу, — заметил воевода.

— Вот чудеса, — умывая лицо холодной ключевой водой все еще не переставая удивляться, произнес князь.

Волхв Божеслав встретил князя на пороге и сразу принялся творить над ним обереги.

— Тише, княже, — говори шепотом, — не туда мы попали, куда думали, чуть слышно проговорил Божеслав. Яша Калинович только начал говорить волхв...

Но вместо него начатую фразу продолжил сам князь.

— Ты хотел сказать, что Яша Калинович и есть сам великий Ящер, древний бог подземного мира и подземных вод. А его жены и дети — русалки и русальцы. Только почему в

таком случае он живет здесь как простой смертный, среди такого немногочисленного народа. Водяне не самый смелый, и не самый сильный народ, а Ящер могущественнейший витязь, коли само тресветлое солнце проглатывает. Почему не покинул землю до сих пор или не выбрал себе иное могущественное племя на земле?

– Понимаешь, князь, есть тут загадка, которую я отгадать не могу. Чем-то водяне его удерживают. Но наша берегиня Рось-матушка сказала, чтобы мы Ящера не боялись. Она велела нам оставаться у водян до Купальских ночей. Обещала, что хранить нас будет, в обиду не даст.

– Коли Берегиня хранит, смертному ничего не страшно. Что же мудрый волхв, значит, так тому и быть останемся мы среди водян до Купальских ночей.

Яша Калинович наутро принял князя Росислава учтиво, никак не показывая своего настоящего образа. Только за трапезой утренней невзначай заметил, что места у них необычные и могут сниться всякие странные сны. Только князь про то уже знал побольше некоторых, и тоже не подавая виду, добавил:

– Любезный Яша Калинович велено нам богами нашими остаться у вас до самой Купальской ночи. Только после нее сможем мы вас покинуть. Коли примите, будем рады и сами вам поможем, чем можем. Коли нет, так в лесу станем жить, покуда Берегиня Рось нам дальнейшего пути не укажет.

Князь заметил, как невозмутимое лицо правителя водян

стало серьезным и сосредоточенным. Медленно, отчеканивая каждое слово, Яша Калинович произнес:

– На все воля богов, но и боги живут во Времени, а время в руках Судьбы. Хорошо, князь, пусть будет так, как хочет Рось. Знать время пришло: чему быть, того не миновать.

И немного помолчав, затем добавил. Мы примем вас, как велит нам закон гостеприимства. Пусть твои воины, живут в нашем поселении, обучают нас воинскому ремеслу. Каждый будет при деле, кто дела ищет, никто голодным не останется. Тебе князь отведут отдельный терем, чтобы привольно жилось тебе во владениях моих и знали все, как я – Яша Калинович росичей встретил и приветил.

– Спасибо тебе, любезный Яша Калинович, – ответил князь, радуясь, что не придется его людям жить в лесу все это время.

Как решили, так и остались воины росичей у водян до месяца Кресеня.

Время в стане водян летело незаметно. У воинов от учеников отбоя не было. Водян восхищала сила и ловкость, с которой россы **владели оружием**. Кулачные бои и поединки на мечях стали их любимым зрелищем. Конечно, все проходило мирно, победитель, всего лишь должен был коснуться острием противника. Мальчишки все до одного стали мастерить себе деревянные мечи, как у россов. Сами же водяне мечей не знали, а пользовались стрелами да небольшими топорика-

ми. Князь заметил, что местные воины действительно нуждаются в обучении, а по-настоящему сильных бойцов можно было пересчитать по пальцам. Лучше всего у водян получалось заниматься рыболовством и выращивать лен. Видимо потому что не от кого было им защищаться, воинское искусство им и не требовалось. Когда же воины спрашивали народ, как же они от неприятелей отбиваются, водяне отвечали, что Ящер Великий хранит их и еще ни разу, сколько они себя помнят, чужаки на них не посягали.

– Да, думал князь, – велик этот Ящер, коли народ свой хранит от войн и бед.

Только никак не могли россы понять, почему могучий бог-витязь Ящер избрал мирный и незлобивый народ водян. Но пути богов неисповедимы, и смертным не дано познать их тайны. А жизнь в стане водян постепенно вошла в колею. Воины привыкли к медлительной растянутой речи берегового народа, к их длинным одеяниям, бледным лицам.

Тем временем, молодой княжич Руен Росиславич со своим двоюродным братом – Вольгой расположились в избе. Избушка была небольшая, зато отдельная. В то время как другие дружинники поселились все вместе. Каждый день братья навещали князя, волхва и дружину, но отдельное проживание оставляло им много времени для того, чтобы лучше узнать водян, их обычаи и поселение. Братья кашеварили по очереди – один день Вольга, другой – Руен, и часто гуляли вместе по окрестностям. Только Вольга успел за месяц пере-

знакомиться с целым десятком местных девушек, в то время как Руен так никого себе и не нашел. Племянник князя умел очень искусно вырезать из дерева фигурки животных. Да и разные ковши, чарки, солонки и прочая утварь у него хорошо получалась. Так своим новым знакомым Вольга охотно раздаривал то, что мастерил. Руен же все больше времени проводил с отцом, да на кулачных боях, однако надежды на интересное знакомство все-таки не терял.

В один из дней, когда княжич, как обычно, направлялся к отцу по тропинке, что шла у самой реки, он увидел молодую девушку торопливо шагающую ему навстречу. Тропинка, по которой они шли, была достаточно узка, а девушка шла, низко опустив голову. Потому и не заметив витязя, она налетела прямо на него. Руену пришлось обнять ее, чтобы она не упала от столкновения. Девушка подняла глаза и их взгляды наконец-то встретились.

– Ой, – сказала она, улыбаясь, – несклаа-дно получилось.

– Да, я как-то не догадался тебя предупредить, а ты шла с низко опущенной головой, – тоже улыбаясь, ответил Руен.

– Нуу, в таа-ком слуу-чае, ии-звини, что чуть не столкнула тее-бя с троо-пинки.

– Да, нет, это я должен был тебя предупредить. Ты, наверное, задумалась о чем-то.

– Нии-чего страа-шного, – сказала незнакомка на прощание. И они разошлись.

Руен и девушка продолжили каждый свой путь, и, может,

так бы не узнал княжич, как ее зовут, если бы Судьба снова не пересекла их дороги.

На следующий день княжич отправился к отцу в то же самое время и к своему великому удивлению снова встретил незнакомку. Только на этот раз она первая его заметила.

– Здра-авствуй, вии-тязь, – улыбаясь, сказала девушка, и Руен обратил внимание на ее прекрасные, похожие на ровные ряды жемчуга зубы.

– Здравствуй, красавица, – ответил юноша, останавливаясь. Меня Руеном зовут, я сын князя Росислава. А ты кто будешь? Как тебя звать-величать?

– Меня зоо-вут Воо-лыня, ответила девушка. Ой, какая кра-асота, – тут же сказала она, сменив тему разговора, наклоняясь к траве.

Руен не понял о чем она и переспросил.

– А, вот поо-гляди, – ответила Волыня, показывая ему сорванный цветочек.

Цветок был маленький, ярко–синего цвета.

– Это перевень–цвет, мы его в венки вплетаем, – объяснила девушка. Он не только краа-сивый, но и целее-бный. Ой, что это я, – словно спохватившись сказала Волыня. Тебе это, наверное, совсем не интересно.

– Нет, нет, очень интересно, – тут же отозвался, Руен. Однако сам про себя отметил, что гораздо больше, чем синий перевень его заинтересовали прекрасные светло – голубые очи Волыни. Если ты не торопишься, мы могли бы прогу-

ляться, – предложил русский витязь.

– Нет, не тороплюсь, – ответила довольная девушка.

И они вместе отправились гулять по берегу.

Эти встречи обоим доставляли много радости. Воляня очень много знала о травах и цветах, что росли в их местах и рассказала Руену множество интересных историй о природе и еще больше из жизни водян. Оказалось, что Воляня очень любила цветы и даже выращивала их у себя в садике. Жила девица вместе с отцом, матерью и меньшим братиком Ванечкой. Остальные сестры были значительно старше и уже не один год как жили отдельно со своими семьями. Так понравилось Руену гулять с Волейней, что стали они встречаться чуть ли не каждый день.

– У нас много дивных трав растет, которые только нам водянам свою тайну открывают.

– Это почему же, – удивленно сказал Руен. У вас вроде те же травы, что и у нас.

– Все так, да не так, – ответила Воляня. Это потому, что наш правитель Яшаа Каалинович – он же и наш великий воолхв, от самой Маатери Сырой Земли силу черпает. И вода ему, – что Маать Родная, а он ей как Отец. Его сила и помогает водянам тайны разные познавать, – рассказала Воляня, когда они с Руеном в один из дней отдыхали на лесной поляне. Так, растет у нас на берегу реки нечуй-трава, которой можно любой ветер на воде остановить и от затопления спастись. И соон-трава в мае месяце расцве-

тает, которую если поутру с росой собрать, то она, словно живая шевелится.

– А почто ее все–таки сон-травой называют, коли на росе собирают? – спросил Руен.

– А это потомуу, что оона во снее Праавду ооткрывает. Как уснеешь, надобно ее под поодушку полоожить, тут-то все и открооется.

– А есть ли у вас такая, что меч остановить может? – спросил воин.

– Как не бысть. Онаа не только меедь, зоолото, она – железо на мелкие клочки разорвать может, разрыв–травой потому и зовется.

В другой раз Волыня рассказала Руену, что у водян в каждом доме под полом ужик живет.

– А зачем он вам? – недоумевал росс.

– Ужии наши домаа охраняют. Коли сам в доом приползет, значит, доом хорооший, и жизнь в нем залаадится. А коли нет уужика, так его пригласить – приветить надобно.

– И что же придет?

– Конечноо, коли праавильно зазваать, да молочкаа предложить. Ужики – они и маатери сырой землее и маатери вооде – деети. Яшаа Каалинович велел воодянам почитать этих змеек. Если кто уужа обидит, он сразу про то прознает и обидчика накаажет. У нас в сенокоос, когда люди посреди леса отдыхаают, всегда, ищут такие местаа, где уужи водятся. Потому как оони всех лютых змей отгоняют. И там, где

ужу, можно спать споокойно.

Дивился Руен рассказам Волыни, но все что говорила девушка, было ему интересно. Едва проснувшись, княжич ожидал встречи с красавицей. Они исходили все прибрежные тропки, Волыня показала ему самые красивые места в лесу возле реки и в городище.

Однако через месяц после знакомства девушка неожиданно пропала, и никто не мог ее найти. Родители ничего не отвечали юноше.

– Ушла в леес, и не вернуулась,— вот и весь скааз, — говорил отец.

– Наам и без тебя таяжко, мы – доочь потеряли, а тут ты еще маасла в огоонь подливааешь, — отвечала мать, захлопывая дверь перед носом юноши.

Только почему-то Руену не очень верилось, в то, что им ничего не известно. Однако сколько княжич не пытался подкараулить Волыню, или хотя бы застать врасплох ее родителей, ничего у него не вышло. А маленькому Ванечке они даже запретили подходить к россу, видимо, чтобы ничего лишнего не сказал ненароком. Стало Руену очень грустно без подруги и понял княжич, что сам того не заметив влюбился в девицу водянскую. Только понял слишком поздно, когда прекрасная Волыня исчезла без следа.

Лето красное пришло на землю и леса да поля оделись в пышный разноцветный наряд. Щедрой рукою Тресветлое

Солнце раскрасило луга и долины, а вода в реке заметно потеплела, зазывая взрослых и ребятишек загорать и купаться.

С каждым днем становилось все жарче. Близилась заветная ночь. Все чаще водяне проводили моления, все поселение казалось преисполнено особой благодати. Чуть только начинало вечереть, как из разных домов начинали доноситься песнопения в честь Купалы-Купальницы пречистой.

И когда до священной ночи оставалось всего семь дней, россы заметили, что к капищу направляется процессия женщин в белых одеяниях. Посреди процесии, в самой гуще на носилках из ветвей ивы восседала молодая девушка в ивовом венке. В руках девушка держала зажженную лучину, которая отбрасывала огненные блики на утонченно красивое лицо. Светлые и прямые, как лен, волосы девушки были такими длинными, что спадали с носилок, на которых ее несли, огромные светло-голубые глаза казались полуприкрытыми. Лицо красавицы было печально и сосредоточенно. Князь вгляделся в это лицо и возглас удивления сам собой вырвался из его груди. Это была она. Та самая девушка, которая привела его во сне к колодцу Ящера. Только однажды в жизни довелось видеть ему такое удивительное лицо, и забыть его князь не мог. Тогда, проснувшись, он решил, что девушка эта – либо дух либо русалка, и что она не из мира Яви. И вот теперь, разглядывая это лицо при свете великого Солнца, князь Росислав убедился, что эта девушка из плоти и крови была послана Ящером к нему не случайно. Когда процессия

донесла девушку до капища, народ, столпившийся вокруг, стал громко петь притопывая.

Ту-ту, ту-ту, Купала.

Ту-ту, ту-ту, Купальница – раздавалось со всех сторон.

Ту-ту, светлая дева.

На вопросы князя о девушке ему отвечали, что она избранная и теперь ее зовут Купалою, и у нее высшая Доля. Как ни пытались россы узнать о девушке больше ни Яша Калинович, ни его родственники, ни ни челядинки, ни простой мальчишка с улицы никто им не ответил. Однако процессия эта с неизменным постоянством стала появляться в один и тот же час на площади перед капищем водян. Как только девушку вносили в капище все расходились, и никто не видел, как вошедшая, покидала его. Россы с нетерпением ждали заветной ночи, вспоминая, как у них на родине отмечают это великое празднество.

Юный княжич Руен огорченный тем, что его водянская подруга Воляня пропала, перестал гулять и все чаще проводил время один в лесу либо в избе. Но все же он приходил послушать истории волхва, когда Божеслав вечерами собирал воинов, рассказывая им предания о чудесной ночи Купальнице.

– Эх, – думалось Руену сколько всего могла рассказать

Волыня про Купальскую ночь. А как чудно было бы вместе с ней сидеть возле костра. Все чаще вспоминал он ее дивные льняные волосы, ясные очи. Оттого печаль – кручина все больше одолевала молодца.

В это время Земля сочеталась с Небом Любовью, открывая многие высшие тайны живущим в Яви, Солнце красное дарило свою Любовь Водам и все вокруг становилось священным. В купальскую ночь открывался мост между тремя мирами Яви – миром людей, Нави – миром загробным и Прави – миром богов. Потому Купальская ночь считалась священной.

В Городище россов девушки в эту ночь пели песни, плели венки и пускали их по воде. Влюбленные сочетались узами супружескими в эту чудесную ночь, а жаждущие чуда могли узреть множество диковин, которыми наделили боги мир вокруг. Так многие ходили в лес, пытаясь отыскать знаменитый Перунов Цвет. Сказывали, что цветет этот цветок только один раз в году и на Купальскую ночь, а сияет он так, будто сто молний и горит жарче огня. А кто его найдет, тому сам Перун высшую Мудрость и Силу откроет и даст ему все, что нашедший ни пожелает. Хотя какие уж тут желания для смертного, коли он самого Перуна встретит.

Вечер перед Купальницей был в самом разгаре. Водяне зажигали искрящиеся огни, отовсюду доносились праздничные песни. На площади, перед капищем горели костры. Россы решили, что, видимо, здесь и будет происходить основное

празднество. Водяне украшали свои дома ивовыми ветвями, колосьями и полевыми цветами. Повсюду были расставлены гадальные чары с водой. Вскоре на площадь вынесли лодку, раскрашенную знаками Ящера, Земли – Макоши, Огня – Сварожича и Воды. Россы решили, что именно спуск этой лодки на воду и должен стать зенитом праздника. Народ собрался вокруг нее и все стали бросать внутрь лодки зерна пшеницы. Зерна накидали так много, что на площадь из терема вышла пожилая женщина в длинном белом одеянии и остановила обряд.

В этот вечер Руен не пошел к себе, решив провести его вместе с остальными на берегу. Как и все остальные он стоял, рассматривая без особого интереса то, что происходило вокруг. И тут в одно мгновение княжича словно ударило молнией. Он остолбенел от неожиданности, когда прямо перед глазами появилась та, которую он уже не чаял увидеть – Воляня. Но это была не та веселая жизнерадостная Воляня, с которой Руен повстречался на берегу Роси. Ту, которая предстала перед ним, вынесли из терема на носилках. Она была печальна, будто из мира Нави, на этой Воляне были красно-белые одеяния, а ее венки украшали колосья и цветы.

– Воляня, Воляня – закричал Руен, подбежав насколько мог ближе к девушке. Но она никак не отзывалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.